

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Фернан Кайзергрубер

**ОТ СЕВЕРСКОГО
ДОНЦА
ДО ОДЕРА**

**БЕЛЬГИЙСКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ В СОСТАВЕ
ВАЛЛОНСКОГО ЛЕГИОНА**

1942—1945

**Фернан Кайзергрубер
От Северского Донца
до Одера. Бельгийский
доброволец в составе
валлонского легиона. 1942-1945
Серия «За линией фронта. Мемуары»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23865602

*Фернан Кайзергрубер. От Северского Донца до Одера. Бельгийский доброволец в составе валлонского легиона. 1942–1945: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07443-0*

Аннотация

Воспоминания пехотинца добровольческой штурмовой дивизии СС «Валлония» – откровенный рассказ о ходе событий кампании на Восточном фронте 1941–1945 гг. Унтершарфюрер Кайзергрубер участвовал в боях на Кавказе, в сражениях под Корсунем-Шевченковским и Черкассами, а в ходе обороны – на реке Одер. Прямолинейно, без прикрас и желания оправдаться, автор объясняет, как и почему вступил в германскую армию, делится наблюдениями об отношении к валлонским добровольцам командования и чиновников рейха,

а также о том, как их встречали в оккупированных странах. Он рассказывает о своих товарищах, командирах, о боевых действиях, о подробностях солдатского быта. Воспоминания Фернана Кайзергрубера – это взгляд участника событий на боевые действия иностранных добровольцев в составе вермахта во время Второй мировой войны.

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Предисловие	13
Глава 1. От мира к войне	18
Глава 2. Обучение (в Бранденбурге)	75
Глава 3. Путь на Восток: 16 дней на соломе	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Фернан Кайзергрубер
От Северского
Донца до Одера.
Бельгийский доброволец
в составе валлонского
легиона. 1942–1945**

Посвящается моим товарищам.

*Памяти всех тех, кто ушел и кто остался там,
погибших в боях и попавших в плен, тех, кто был
убит, и тех, кого мы навсегда потеряли.*

Памяти моего друга Фрица!

*Мы будем вместе и сохраним наше единство до
конца.*

© Text, Fernand Kaisergruber, 2016

© Photographs, Alexis, J. Gillet, P.K. Weber and the author

© Maps as individually credited

© «Центрполиграф», 2017

От автора

Я использовал имена только тех людей, с кем мне удалось связаться и кто дал мне на это разрешение, как и имена тех, кто достаточно хорошо известен, а также тех, кого уже нет. Для остальных, из соображений тактичности, я пользовался только инициалами.

Погруженный в свое прошлое, я написал эту книгу воспоминаний на одном дыхании, за несколько месяцев 1991 года. С тех пор время от времени я перечитывал некоторые эпизоды в надежде восстановить в памяти подробности, которые сразу не вспомнил.

Даже перечитывая рукопись в первый раз, я задавался вопросом, а стоит ли переписывать книгу, чтобы привести в нее немного больше «классического» стиля, поскольку я осознавал определенную нехватку литературности в моем сочинении. Правда состоит в том, что я изложил на бумаге все свои воспоминания так, как они приходили ко мне, в моменты вдохновения.

После того как перечитал книгу в последний раз, я сказал себе, что лучше ничего не менять, поскольку первая рукопись – это то, что пришло ко мне естественным путем, и я считаю, что лучше не придумать! Надеюсь, читатели согласятся со мной.

Пролог

Я пишу не «мемуары». Это слишком помпезное слово. После Шатобриана, Бомарше и других я был бы просто смешон!

Честнее было бы говорить о «хрониках», но и в этом случае до меня имелись более знаменитые авторы. Скорее всего, я буду относиться к своим воспоминаниям бесхитростно и без всяческих литературных претензий, без каких-либо прикрас – ничего не добавляя, но и ничего не утаивая. Такое не в моем характере, и было бы просто нелепо «привирать», пережив годы столь драматических и великих событий (иногда и тех и других одновременно).

Я считаю, что жил напряженно, как если бы каждый день должен был стать моим последним, и думаю, что это было замечательно. В любом случае я постоянно находился на острие тех событий, которые в результате оказались для меня крайне важными. Несколько раз я говорил себе, что однажды опишу наиболее интересные годы своей жизни – во всяком случае, наиболее захватывающие для меня из тех, что невозможно забыть... да и как такое возможно? И самое главное – из тех лет, о которых я не сожалею. И как я мог сожалеть?

Ни пять лет войны, ни пять лет заключения в исправительных колониях и концентрационных лагерях Бельгии не

сломили меня – как, впрочем, и большинство из нас. Однако одному лишь Богу известно, какие условия были в те времена – и какая переполненность царила в тогдашних исправительных колониях! Что касается меня, то это послужило поводом для укрепления душевных сил и накопления опыта, однако плоды подобных «уроков» определенно не имеют ничего общего с теми, что воображали себе тогдашние «власти», судебные и другие, которые несли ответственность за наши обвинительные приговоры.

Несколько месяцев тюремного заключения – год, возможно, два – было бы вполне достаточно для моего наказания, но все оказалось значительно хуже; однако это уже в прошлом, и у меня не осталось ни сожаления, ни горечи! Не то чтобы (можете поверить мне на слово) я мог бы согласиться с законностью этого обвинения, основанного (не забывайте об этом) на законах, имевших обратную силу и, таким образом, просто-напросто поправших правосудие, но просто это дало мне силы преодолеть все те препятствия, которые жизнь разбросала на моем пути, и еще в большей степени ловушки, расставленные теми же самыми «властями» после нашего освобождения, – такие, как лишение возможности найти работу после отбытия заключения, что подталкивало нас встать на преступный путь, – и все же я никогда не слышал, чтобы кто-то из нас оказался осужденным за «уголовные преступления». Следует помнить, что подобных примеров никогда не существовало (или, по крайней мере, их бы-

ли считанные единицы), иначе пресса не упустила бы возможности выжать из них максимум возможного и раздуть такой случай (но об этом я скажу позднее).

Подсознательно я сохранил все заметки, сделанные сразу после этих событий, с намерением однажды поведать свою историю. Естественно, некоторые из тех, что касались последних месяцев войны, потерялись в агонии последних дней и во время моего ареста.

Пять лет заключения предоставили мне достаточно свободного времени, чтобы в значительной степени восстановить свои записи, к тому же рядом со мной находилось несколько моих товарищей, которые смогли помочь мне, когда меня подводила память на даты или конкретные места. Более того, во время моего пребывания в других тюрьмах королевства я смог снова увидеться с большинством из уцелевших в нашей общей эпопее.

Окончательное решение писать я принял потому, что Ролан Д. обратился ко мне с просьбой восстановить обстоятельства периода нашего обучения в 1942 году. Тогда же он попросил, чтобы я связал свои воспоминания с другими событиями тех лет, и поэтому вполне логично, что я воспользовался моментом. Читатель должен простить меня за отсутствие определенной целостности повествования между периодом обучения и тем, что произошло потом, но я предпочел ничего не менять – если только самую малость – в этом первоначальном этапе моей жизни в легионе из страха иска-

зить первые впечатления.

Мне придется кратко поведать о последних годах перед войной, чтобы дать понять о направлении моих мыслей и решениях, к принятию которых меня вполне логично привели мои умозаключения. Я никогда не был робок душой, и более чем 75 лет спустя во мне ничего не изменилось!

Начиная это повествование, я сказал себе, что когда-нибудь в будущем мои дети (возможно, также и другие люди, чуть больше заинтересованные в получении информации, чем другие) смогут обнаружить в них что-то интересное и лучше понять все «как и почему».

Чувство горечи? Это правда, порой я испытывал его, однако не поддавался ему – и никогда оно мной не овладеет! Именно это решение я принял много лет назад, когда мог видеть небо лишь через решетки различных тюрем. Я обрел самообладание (не без усилий) ценой напряжения, крови и, более всего, стремления преодолеть все – из-за риска лишиться рассудка или покончить с собой, – другого выбора не существовало! Не стоит забывать, что мы прошли пять лет войны, три с половиной из которых (и более четырех у некоторых товарищей – из тех, что уцелели) протекали в боевых условиях, а затем без всякого перехода от последних (и невероятно тяжелых) месяцев на фронте к беспросветным годам в тюрьмах... а ведь нам было только по 20 лет! Это не протест – не говоря уж о жалобе. Я знаю, что пострадали другие, однако тот факт, что нас победили, совсем необья-

зательно сделал нас неправыми. И было необходимо любым способом «заткнуть» нас и скрыть правду до конца времен!

«Немецкий прорыв возглавили дивизия СС «Викинг» и моторизованная бригада «Валлония». Валлоны яростно сражались бок о бок с дивизией «Викинг», делая все возможное, чтобы доказать, что достойны формы, которую они носили». Эта оценка взята из опубликованного во Франции пятитомника «СССР во Второй мировой войне», из его четвертого тома, где описывалось Корсунь-Черкасское сражение (в нашей историографии это носит название Корсунь-Шевченковской операции. – *Пер.*).

«Это была одна из частей, попавших в окружение под Черкассами в январе 1944 года, которая в феврале сыграла решающую роль в успешном прорыве; перед бригадой была поставлена задача удерживать коридор выхода из окружения, что было исполнено, несмотря на все катастрофические случайности, исключительно успешно. Считается, что во время этой операции бригада сократилась в своей численности с 2000 до 632 человек... Валлонские добровольцы заслужили высочайшую боевую репутацию за время своей службы в немецкой армии и войсках СС».

Это еще одно мнение, или суждение, взятое из книги «Войска СС» Мартина Уиндрои (Оксфорд, 1992). Такие признания заслуг, к которым мы никогда не стремились – как о которых и не просили, позволяют нам спокойно игнорировать мнения, или комментарии, ряда наших отечествен-

ных «историков». Встречаются среди них и честные люди, однако средства массовой информации имеют отвратительную тенденцию их игнорировать!

Предисловие

По крайней мере, девушки были прелестны...

В то время для Ф. Кайзергрубера и его «камрадов» я был террористом. Газета *La Légia* (бельгийское коллаборационистское издание. – *Пер.*) называла меня бандитом. И я всегда гордился этим. Если бы в 1943 или 1944 году (до декабря месяца) мой командир приказал мне «ликвидировать» Кайзергрубера, я сделал бы это без сожаления, без ненависти, без угрызений совести и без раскаяния. Приказ всегда остается приказом, с какой бы стороны он ни отдавался. О чем слишком часто забывают.

Мои представления о жизни, политические или философские воззрения (которые дались мне не сразу и не так просто) часто противоречили авторским.

Постоянно испытывая в душе неприятие, я все же прочел эту книгу и согласился написать эти строки не из восхищения автором, или его «бургундцами», или их *Chanson de Geste* (буквально «песнь о деяниях»; жанр французской средневековой литературы эпического содержания. – *Пер.*), но из любознательности относительно нашей былой истории и из уважения ко всему человеческому. Размышления, отклонения от темы и занятая Ф. Кайзергрубером неуместная позиция часто раздражали меня. Его слепое и наивное вос-

хищение всем немецким, его подозрительность, презрение и сарказм по отношению к тем событиям и людям, столь значимым для меня, часто искушали меня открыть «второй фронт» (при помощи пера). Мне жаль, что его память более придиричива к ошибкам союзников, чем их противников, однако я стоя аплодирую его верности своему слову и своим товарищам.

Когда в самой середине повествования автор воспевает героизм, невзгоды и битвы «бургундцев» из легиона «Валлония», я часто повторяю: «Да так тебе и надо, можешь заткнуть себе это дерьмо в...» Его книга пробудила во мне симпатию к русским, чего до ее прочтения я вовсе не испытывал.

Я уже несколько лет знаю Ф. Кайзергрубера как прямого, честного, порядочного и образованного человека, и я обнаружил черты его замечательного характера, такие как простота, честность, прямолинейность в его же книге. Он свидетельствует за своих друзей и за «остальных» искренних давних противников с определенной точкой зрения, за подлинные идеалы, романтизм и товарищество, которые нынче неизвестны, презираемы и не признаны, но ни с чем не сравнимы.

Истинный фламандец, неизменно преданный незабываемому бельгийскому Сопротивлению в Валлонии, я считаю, что теперь, когда война закончена, солдаты всех сторон, особенно те, что действительно познали на себе огонь битв, ру-

копашные схватки, страх и смерть, те, кто не ждал развития событий, чтобы присоединиться к тому или иному лагерю, те, кто рисковал всем, должны объединиться – если только они способны слышать и понимать, понимать без распрей, придинок и враждебности полувековой давности. Книга Ф. Кайзергрубера ценна тем, что без всяких прикрас приглашает весь мир испытать свою совесть, потому что он описывает события недостаточно известные или неизвестные совсем, о которых слишком быстро забыли или которые поспешно скрыли, потому что это еще одно доказательство того, что все флаги, все солдаты и все идеи заслуживают высочайшего уважения, поскольку молодые люди, павшие под всеми этими знаменами и за все эти идеи, по-своему мечтали о лучшем мире и более прекрасном будущем. Эта книга доказывает, что если, с нашей точки зрения, легионеры Восточного фронта сражались не на той стороне, они тем не менее не были предателями и что во всех отношениях эти солдаты обладали отвагой, чтобы жить и рисковать жизнью за свои идеалы.

Хоть они и были нашими противниками, я не считаю их своими врагами. Все это, как и мы сами, принадлежит истории. Мои товарищи пали за свободу, откуда бы она ни пришла. Будучи преданным этим идеалам, я считаю, что Ф. Кайзергрубер вправе говорить и писать и что его книга имеет полное право на существование, поскольку представляет собой интерес как символ веры, временами волнующая и все-

гда уместная, временами кичливая и нелепая и, как всякое свидетельство, крайне личная и субъективная, но живая за счет идеалов, любви, битв, приключений, невзгод, потери иллюзий, надежд и отчаяния нашего поколения, которому в 40-х годах было по 20 лет.

Мне нравится читать о том, что и для «бургундцев», и для «остальных», и для нас, «террористов», девушки повсюду прекрасны и желанны и что, в форме или без нее, «черные» или «белые», все мы по меньшей мере подходим к этой теме одинаково: девушки нашей молодости и отвага наших матерей.

Как человек верующий, я считаю, что мы должны примириться с нашими братьями прежде, чем предстать перед Отцом Небесным. Христос не говорил, что нам следует делить братьев на левых и правых. «Gott mit Uns» – «С нами Бог» (девиз, изображавшийся на гербе Германской империи, широко используемый в немецких войсках с XIX века, в частности выбитый на пряжке ремня. – *Пер.*) – с этим покончено. Господь не позволит одеть себя в военную форму, даже если называть его Аллахом.

И, как я однажды имел удовольствие заявить перед телекамерами, как верующий или нет, нашему поколению настало время осознать, что час прощания (не с оружием, а с жизнью) приближается и что не столь смешно, сколько бессмысленно предстать пред судом Всевышнего под нашими знаменами и вооруженными автоматами.

Луи де Лентдекер, член Armée Secrète (организация бельгийского Сопротивления. – Пер.). Кавалер Croix de Guerre – Креста войны «За доблесть перед лицом врага»

Глава 1. От мира к войне

На мою долю выпали счастливые и беззаботные, даже привилегированные детство и юность. Ничто не побуждало меня отправиться на поиски чего-либо другого. Как любят говорить военные следователи, никаких смягчающих обстоятельств. Да я и не заявлял ни о чем подобном! О чем я утверждал, со всей определенностью и рвением, – так это о полной ответственности за свой выбор. Даже если окружение, в котором я жил, несомненно могло объяснить такой путь развития, я бы не признал этого, по крайней мере в большей его части, поскольку, хотя выбор моих старших братьев и не отличался от моего, мои родители и сестра вовсе не одобряли его.

Уже с 13 или 14 лет мои друзья были в основном старше меня. Я общался с друзьями своих братьев и перенял политические убеждения одного из них. Я не пропускал политических собраний – проходили ли они в местном рексистском клубе на улице Мерсели, в «Зоннеке», во Дворце спорта или на выезде – на шоссе де Вавр в Одергеме¹. Я побывал в [церкви] Св. Марии в Ломбеке, а также в Плац-Кейм в Ватермале², чтобы участвовать во встрече лишенного ду-

¹ В настоящее время в юго-восточной части Брюсселя. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² На юго-востоке Брюсселя, за Одергемом.

ховного сана аббата Моро. Суаре – воскресные собрания – посещало много народу.

Мой юный возраст не мешал мне улавливать связи между действиями определенных властей, особенно религиозных. Это проявлялось в соответствии с обстоятельствами, а точнее, относительно поведения нашего приходского священника, к которому, несмотря ни на что, я испытывал некоторое уважение – по крайней мере, до того дня, пока, с некоторой иронией, не убедился в его непоследовательности и двуличности.

Мы жили в 200–300 метрах от рабочих кварталов, стойких «красных» кварталов, где *Jeunes gardes socialiste* – молодежная социалистическая гвардия и *Faucons Rouges* – молодежное движение «Красный сокол»³ значительно превосходили численностью «добропорядочных прихожан» – что само собой разумеется – и скаутов-католиков, к которым принадлежал и я, – до того дня, когда, как это ни парадоксально, они вдруг решили, что мои идеи в целом являются недостаточно ортодоксальными!

Из-за близкого соседства и в силу обстоятельств у меня имелись друзья и среди «красных». А как могло быть иначе? Тем более что я не имел предрассудков, как некоторые священники и другие «взрослые». Хоть я и сказал «некоторые», на самом деле их было много. А среди «красных» бы-

³ «Красный сокол» – организованное в 1928 г. и состоявшее в основном из рабочей молодежи движение, сохранившееся и до наших дней.

ли и истинно верующие люди (можно сказать, честные люди), очень хорошие ребята. Но наш приходской священник имел совершенно противоположную точку зрения. Он считал, что есть «заслуживающие уважения» люди и «остальные», которые такими не являются. Таким образом, в один прекрасный день он пришел к моему отцу, чтобы сказать, что «кое-кто» видел меня разговаривающим или играющим с теми «остальными». Вот так, не более и не менее!

Несмотря на то что мой отец был очень близок с приходским священником, будучи членом и даже президентом различных конгрегаций и других церковных объединений, он крайне вежливо и даже дипломатично ответил, что я, вне всякого сомнения, нахожусь в процессе становления своих взглядов, а также воззрений. Когда приходской священник (вместе со своими благими намерениями) ушел, отец все же посоветовал мне быть осторожнее в выборе связей и, при необходимости, разобраться в них.

Когда, чуть позднее, начались выборы 1937 года – на которых Леон Дегрель противостоял Ван Зеланду, благо надежные люди мало-помалу отстранились от меня, и я спрашивал себя, кто на них так повлиял, поскольку не мог представить себе, что это произошло благодаря советам нашего приходского священника. Я задавался вопросом, не привиделось ли мне это, поскольку по первой серии предвыборных плакатов, которые я видел – которые мог видеть весь мир, – выходило, что эта благонамеренная католическая мо-

лодежь теперь объединилась, словно добрая семья, со всеми теми, кого меня призывали избегать, отказывая мне даже в праве разговаривать с ними (либералы, социалисты и католики объединились вокруг Ван Зеланда, как коалиционного кандидата, против Дегреля. – *Авт.*). Вместе они выпустили плакаты, восхвалявшие добродетели и принципиальную честность Ван Зеланда. Они пили на брудершафт в местных бистро и быстро объединились, очевидно, для того, чтобы нанести нам поражение чуть ли не во вселенском смысле, против чего у нас не было никаких союзников.

Если бы я оказался столь наивен, как думал наш приходской священник, я был бы просто потрясен, но, увы, я был совсем не таким. Наоборот, это заставило меня задуматься над постоянством и непостоянством... «духовных властей»!

Во время скандала с Ван Зеландом⁴ я помню, как вышедший из церкви в нашем квартале Ван Зеланд приближается к одному из моих товарищей, выкрикивавшему «Да здравствует РЕКС! Долой Ван Зеланда!» и протягивавшему тому газету.

Я также помню долгое ожидание на верхушке какого-то высокого телефонного столба в то время. Это случилось на бульваре Суверенитета, в самом начале проспекта Шадро, в

⁴ Зеланд Пауль Ван (1893–1973 гг.) – бельгийский юрист, экономист, католический политический и государственный деятель; в марте 1935 г. стал премьер-министром правительства национального единства, состоящего из трех основных партий – католической, либеральной и социалистической; весной 1936 г., в результате агитации рексистов, его правительство подало в отставку.

день выборов. Мы прикрепили на самом верху большой белый лист с одним из предвыборных лозунгов. Только мы собрались спускаться, показались двое полицейских, вручную кативших свои велосипеды и остановившихся прямо под нашим насестом. Мы думали, что они заметили и теперь ждут нас. На самом деле это оказалось всего лишь простым совпадением. Примерно через час полицейские укатили. И тем не менее мы оставались наверху, открытые всем ветрам, пока они не уехали!

Воскресенья в местном рексистском клубе на улице Шартре не могли пожаловаться на недостаток воодушевления или, временами, тревожного ожидания, когда мы надеялись на чудо – возможность профинансировать публикации в завтрашних газетах. Эйфория выборов 1936 года, оцепенение после выборов 1937 года – но никакого падения духа! Не думаю, что я когда-либо встречал подобный политический накал, такую искреннюю преданность в какой-либо другой партии.

Очень часто мы возвращались поздно вечером, после собраний или после расклеивания предвыборных плакатов, и редко одни. Мы готовили *crêpes* – чипсы и ели их в мальчишеской компании до поздней ночи, пока мои родители спали наверху или делали вид, что спят. Сумасшедшая обстановка этих собраний протекала в узком кругу друзей. Чтобы лучше понять более поздние последствия, нужно было знать ту жаркую и бурную атмосферу.

Потом была война в Испании и молитвы за Франко. Затем кампания в Абиссинии. Я больше симпатизировал дуче, чем каудильо. Так мы прошли через все те политические события, чтобы очутиться перед аншлюсом⁵, Мюнхенским соглашением⁶, Германо-Советским пактом⁷ и «ненастоящей («странной») войной»⁸ – вплоть до войны настоящей! Моих братьев мобилизовали, и один оказался на канале Альберт, а другой в От-Фань (национальный парк в Бельгии, в Арденнах. – *Пер.*).

Вечером 9 мая 1940 года я, как обычно, ложусь спать без всяких дурных предчувствий, кроме подспудной тревоги, появившейся среди моих знакомых после объявления союзниками (Великобританией и Францией) войны 3 сентября 1939 года. Когда на следующий день, проснувшись, я открываю глаза, у меня сразу же появляется какое-то стран-

⁵ Имеется в виду присоединение к Германии Австрии в марте 1938 г.

⁶ Имеется в виду подписанное в конце сентября 1938 г. соглашение правителей Англии, Франции, Германии и Италии (Чемберленом, Даладье, Гитлером и Муссолини) о передаче Германии важнейших пограничных районов Чехословакии. Вскоре последовало расчленение Чехословакии, свои куски получили Венгрия и Польша.

⁷ Имеется в виду пакт о ненападении, который СССР был вынужден заключить с Германией 23 августа 1939 г. после срыва 17–21 августа делегациями Англии и Франции переговоров о военной конвенции для противостояния угрозе со стороны Германии; Советский Союз также уже вел боевые действия против Японии на р. Халхин-Гол, грозившие перерасти в большую войну.

⁸ «Странная война» на Западном фронте с сентября 1939 по май 1940 г., когда вермахт перешел в наступление и быстро разгромил французов, англичан, бельгийцев и голландцев.

ное ощущение. Ощущение чего-то необычного, разбудившего меня. Я слышу похожие на фейерверк звуки разрывов, и это посреди белого дня. За портьерами сияет солнце, несколько лучей проникают в комнату, прорезая полумрак. Заинтригованный, я вскакиваю на ноги и отдергиваю портьеры. Солнце немедленно заливает всю комнату. То тут, то там на небе внезапно появляются маленькие белые облачка, вслед за чем мгновенно следуют звуки разрывов. Я решаю, что это учебная противовоздушная стрельба по самолету, но поначалу ни одного самолета не замечаю. И только чуть позже вижу первый, затем второй и, через небольшой промежуток времени, третий – улетающий прочь и едва уходящий от обстрела.

Небо выглядит изумительно голубым и чистым, без малейших облаков, за исключением нескольких небольших клубов дыма от зенитного огня. Не уверен, что это действительно зенитный огонь. Несмотря на ранний час – а я чувствую, что еще очень рано, – необычайно тепло. Взгляд на часы подтверждает: нет и шести утра.

На мгновение чувствую себя растерянным, не зная, что и думать. Но вскоре приходят мысли о войне, которые я поначалу отвергаю, но которые возвращаются и не отпускают меня. Это почти наверняка! Все происходит над казармами Эттербека (одна из девятнадцати коммун, образующих в совокупности Брюссельский столичный регион. – *Пер.*) и над плац-парадом. Кроме того, как-то непривычно спокой-

но. На улицах никакого движения. Правда, еще слишком рано. Семьи только начинают пробуждаться. Наверняка мой отец и сестра тоже проснулись. Немного погодя они уже в моей комнате и мы обсуждаем происходящее на наших глазах представление. Затем мы спускаемся вниз и включаем радио. Оно подтверждает: это действительно война! Правительственное коммюнике сменяется посланием короля, затем музыкой военного марша.

Умывание не занимает много времени. Все это время не прекращается зенитный огонь и к грохоту добавляются другие звуки. Свист и резкий треск, уже значительно ближе, сотрясают воздух и нервы. Мы спускаемся в подвал, прихватив с собой матрасы из свободных спален. Закрываем ими полуподвальные окна кладовой и прачечной.

Шум удаляется; мы выходим на улицу посмотреть, что происходит. Выходят соседи, и начинается обсуждение. Тут же появляются густые клубы дыма в 100 метрах от нас, и мы направляемся в ту сторону. Когда добираемся до места, видим, что горит дом некоего В. Т. – как мне кажется, страхового агента – или соседний с ним. Точно не знаю, в котором из двух он живет. Крыша охвачена огнем. Ее пробила зажигательная бомба. Другая оказалась на путях трамвайной линии, прямо в выемке рельса. Похоже на шестигранный цилиндр диаметром 6–7 сантиметров и 35–40 сантиметров длиной. Он состоит из двух частей и чего-то вроде ниппеля на одной из сторон. Кажется, одна из частей сделана из алю-

миния, а другая из какого-то другого металла.

Здесь я встречаю своего друга, Фредди, соседского сына. В стороне от группы взрослых мы на свой лад обсуждаем происходящее, и наши мысли обретают определенную форму: в школу мы сегодня не идем, как и, наверняка, в последующие дни. Действительно началась война. Если честно, все прочие заботы быстро улетучились перед этой приятной перспективой.

Пока взрослые дожидаются пожарных и более всего беспокоятся о зажигательной бомбе и ее обезвреживании, мы с Фредди, крайне заинтересованные бомбой на путях, приближаемся к ней. Мы делаем заключение, что раз она не взрывается, то в ней нет заряда. Мы поднимаем ее, держим в руках и, чтобы обследовать, передаем друг другу. Интересно! Если нажать на ниппель, он движется и уходит в глубь цилиндра! Теперь он утоплен и, после предположения Фредди, что если освободить ниппель, то бомба сработает, я не осмеливаюсь отпустить его. Слегка встревоженный, я не ослабляю давление на ниппель.

Тут взрослые замечают, что мы делаем, и, выкрикивая, что мы сошли с ума, подаются назад. Внезапно ко мне возвращается уверенность. Я прошу Фредди принести мне деревяшку, которую он выдергивает из куста сирени в маленьком садике. Мы помещаем ее на ниппель, и я туго связываю всю эту конструкцию носовым платком. Люди ругают нас всякими словами и требуют, чтобы мы положили бомбу

на место. Какой-то мужчина приносит стремянку и ставит ее на путях рядом с маленькой бомбой. Другой привязывает к верхушке стремянки красную тряпку, дабы привлечь внимание и чтобы, как он поясняет, трамвай случайно не наехал на бомбу. Это напоминает нам корриду, однако мы с Фредди уже ищем другие развлечения, строим другие планы и думаем, куда бы еще податься. Пожар уже унялся. Выгорел только чердак.

Последующие дни изобилуют событиями. Я вижу по меньшей мере двух арестованных священников в сопровождении гражданских. Судебные власти заменяются гражданскими. Это определенно чисто бельгийское помешательство. Прелюдия к тому, что произойдет в 1944 и 1945 годах! Взрослые на полном серьезе утверждают, будто среди нас полно вражеских парашютистов! Им также кажется, что эмалированные металлические знаки, прославляющие достоинства цикория, «кто пил, тот будет пить», на обратной стороне имеют послания, адресованные «пятой колонне». Поэтому мы, в насмешку, следуем примеру взрослых, срывая эти знаки, уверенные, что никто не посмеет нам что-нибудь сказать. А если кто-то скажет, что мы негодники, то мы всего лишь следуем примеру взрослых!

Множество народу носится задрав головы, надеясь обнаружить парашютиста, спускающегося к ним с небес – желательно невооруженного, разумеется! Кажется, 11 мая появляется подразделение бельгийской армии, которое занима-

ет позиции на равнине выше каменоломни, в 200 метрах от нашего дома вверх по улице. Лейтенант Ивон М., командир этого подразделения, останавливается в нашем доме. На следующий день подтягиваются английские солдаты с тяжелыми зенитными орудиями. Один или два офицера также останавливаются у нас. Таким образом я увижу довольно много людей, которые приходят к нам домой, чтобы сообщить всем этим военным информацию, уверенный, что любой из них способен выложить им все секреты Генерального штаба.

Мы с Фредди пребываем в растерянности, а также здорово веселимся, не зная, какое из этих двух чувств появилось раньше, поскольку ошарашены наивностью взрослых. Я бы соврал, сказав, что мы просто развлекались, не замечая трагизма ситуации, но думаю, могу без особой самонадеянности утверждать, что мы с Фредди, хоть нам едва исполнилось семнадцать, сохраняем хладнокровие куда лучше многих из окружающих нас взрослых, которых мы до того времени более или менее уважали – за исключением моих родителей, перед которыми я втайне благоговел, хоть и не говорил им об этом. Возможно, хоть я и повторяюсь, это происходило из-за нашего возраста, но лихорадочное состояние этих людей поражало и тревожило нас.

Пару ночей мы спали в подвале, под прикрытием матрасов, уступив спальни военным. В те дни мы с Фредди завели много друзей среди бельгийских и английских солдат, но выбирали их среди рядовых, оставив офицеров родителям и

другим взрослым. Приглашали их выпить с нами кофе, иногда в саду. Чаше ночью, чем днем, зенитки у нашего дома беспокоили нас, прерывая сон.

13 мая, совершенно неожиданно и к нашей великой радости, из От-Фани возвратился один из моих братьев, служивший в 1-м драгунском. Они с товарищем прибыли на «Мармоне»⁹, это что-то вроде разведывательного бронетранспортера на резиновом ходу. Их подразделение ждет переформирование в Мейсе (к северу от Брюсселя), где они немедленно доложили о прибытии и к вечеру возвратились ночевать домой.

До сих пор я не испытывал особого восхищения Гитлером из-за непомерно хвалебных статей, прославлявших его социальные и политические достижения, и, косвенно, из-за своих симпатий к фашистской Италии и франкистской Испании. К тому времени мои убеждения, как и убеждения остальных, сильно пошатнулись. Более того, окружение и оголтелая демократическая пропаганда утомляли нас. Для достижения большего результата они не придумали ничего лучшего, чем вытащить на свет все те страшилки, которые наивные люди и младенцы проглатывали перед сном с широко раскрытыми глазами, – о детях с отрезанными руками, о парочках, связанных спиной к спине и брошенных в Маас...

Тем временем наши политические лидеры дали ясно понять, что каждый рексист обязан выполнять свой долг в ря-

⁹ Видимо, имеется в виду броневедомоцикл «Мармон-Херрингтон».

дах армии или на другом посту. Поэтому с огромным удивлением мы узнали об аресте Вождя¹⁰ и его позорной депортации вместе с Жоресом Ван Севереном, лидером «Вердинасо»¹¹, и другими симпатизирующими – людьми иных политических взглядов. Среди депортированных были воинствующие коммунисты, евреи и огромное число людей, по разным причинам приехавших из Центральной Европы. Таким образом, власти нашей страны оказались виновны в первых депортациях – задолго до того, как вопрос о депортации нынешним врагом действительно стал вопросом. Хуже того, их возвратили в страны, к которым они не принадлежали по национальности! Я не могу найти примера в других странах, которые бы поступили так же!

14 мая, в 22:00, с матрасом на крыше автомобиля, мы оставили наш дом, намереваясь добраться до Португалии, а оттуда, если повезет, до Конго. В дальнейшем я узнал, что для военного времени использовать автомобиль подобным образом – стандартная процедура для любых моделей, включая самые дешевые. В машине нас восемь: шесть взрослых, маленькая девочка и я. Не без проблем мы разжились бензином и провели ночь в Ассе (городок северо-западнее Брюс-

¹⁰ Вождь движения РЕКС Леон Дегрель – основатель и руководитель рексистской партии.

¹¹ «Вердинасо» – Verbond van Dietsche Nationaal-Solidaristen, Союз германской национальной солидарности; авторитарная, вдохновленная фашистскими идеями политическая партия в Бельгии и Нидерландах, основанная Жоресом Ван Севереном в 1930-х гг.

селя. – *Пер.*), в кафе, где уже ночевало множество других беженцев.

15-го выехали в сторону Нинове (город в Бельгии на реке Дандр. – *Пер.*), затем Турне (бельгийский город в провинции Эно на реке Эско (Шельда. – *Пер.*), в Фраудмон (район в Турне, пригород. – *Пер.*), где проводим ночь на ферме. Дороги были забиты всевозможными транспортными средствами, как гражданскими, так и военными, блокировавшими нормальное движение и принуждавшими к бесконечным объездам. Пару раз низко над нами пролетал немецкий самолет, но не обстреливал на бреющем полете. Однако до нас доносились отдаленные глухие взрывы. Люди безапелляционно утверждали, что это бомбардировка Булони, Кале и Дюнкерка, однако я задаюсь вопросом – откуда они могут это знать?

16 мая, в 14:00, с помощью предусмотрительно розданных банкнот, мы пересекали французскую границу. По человеку в французской форме – не знаю какой, военной или таможенной, – на каждой подножке, и мы без проблем пробрались сквозь плотную, враждебно настроенную толпу. Это преимущество обеспечили деньги фирмы – платят за все; покупают все. Коррупция – даже в таких обстоятельствах! Задерживаемся на пару часов; остальные здесь уже со вчерашнего вечера!

Дороги с этой стороны границы забиты точно так же, как и с другой. Поток растянулся настолько, насколько может видеть глаз. Автомобили, повозки, пешеходы – все нагруже-

ны выше всякой меры. Я даже вижу погребальные дроги и повозки, которые тащат собаки. Много остановок и часто надолго. На обочинах вышедшие из строя автомобили, повозки со сломанными колесами или осями, развалившиеся или слишком перегруженные, и пешеходы, которые не могут дальше идти.

Во время одной из остановок, немного более длительной, чем остальные, мы становимся свидетелями невероятной сцены, кошмарного зрелища! В 20–30 метрах перед нами из своего автомобиля вылезает мужчина, намереваясь пойти через поле к ферме. Одет он в серый плащ, ему, видимо, не меньше 40 лет, и он довольно плотный. Из колонны раздается крик, затем еще несколько. Я не могу разобрать, что кричат люди, бросающиеся к оставившему колонну человеку. Затем понимаю: «Парашютист!»

Когда я, вместе с другими, осознаю ситуацию, я говорю, я кричу, я ору, что этот человек только что, прямо перед нами, вышел из машины! Жена человека в плаще всеми силами пытается объяснить людям, что это ее муж и что он направляется на ферму, чтобы достать для детей молока. Ничто не помогает! Десяток людей набрасываются на мужчину и бьют его. Дети рыдают, жена плачет и борется с обидчиками. Пожилые родители прижимаются друг к другу в автомобиле. Какая-то старая карга кричит, что она видела, как этот человек спустился с неба, что это парашютист! Это она заварила кашу, она первая закричала.

Никому в голову не приходит абсурдность происходящего. Будь он действительно парашютистом, сотни, может, даже тысячи людей увидели бы, как он спускается, да и парашют никуда бы не делся – ведь мы на открытой местности! Мужчина падает под ударами людей, продолжающих бить его, но никто не вмешивается, даже на словах.

Обходя автомобиль жертвы, с детьми и пожилыми родителями внутри, колонна движется дальше. Женщина на дороге рядом со своим мужем, убийцы забираются в свои машины. Каждый продолжает путь, как если бы ничего не случилось!

Кто виноват, что все эти люди оказались на дорогах, обезумевшие и сбитые с толку, кто виноват во всех этих трагедиях – потому что я удивился бы, если такое оказалось бы единичным случаем. Война и вторжение хорошее оправдание. Большинство правительств того времени, руководители стран, жаждущие управлять всем, ударились в панику. Они закончили тем, что поверили в собственную ложь, запугали самих себя. Лгали, сеяли панику, заставили всех этих людей заполнить дороги. И сбежали сами, в буквальном смысле слова, одновременно убегая от ответственности, но гораздо с большим удобством, нежели все эти несчастные люди!

Несколько месяцев спустя эти же самые люди поймут, что им нужно вернуться в свои дома, вернуться без страха! Восстанавливать страну – и это правда, что немцы кормили их на пути домой и даже снабжали бензином!

После этого эпизода мы добираемся до Дуэ (город на реке Скарп и канале Сансе на севере Франции), где находим какую-то еду, и продолжаем наше путешествие в Аррас (главный город французского департамента Па-де-Кале. – *Пер.*). Мы обедаем и, хорошенько отмывшись, находим временное жилье в доме неких очаровательных людей. Ночью город бомбит немецкая авиация, но меня будит английская зенитная батарея, расположившаяся позади сада. Каждый раз, когда она дает залп, дом сотрясается, а я подсакиваю. Утром знакомимся и завтракаем с зенитным расчетом. Обмениваемся адресами. Отличные ребята. По пути к железнодорожной станции видим пылающие здания Французского банка, пакгаузов и разрушенного жилого квартала.

Ну да, мы решили продолжать наш путь по железной дороге. Несмотря на вместительность и комфорт «Паккарда» генерального директора-президента фирмы, продолжать передвигаться в таких условиях невыносимо. На платформе железнодорожной станции, кишашей разношерстной толпой, навьюченной всевозможным багажом и всякого рода мешками, женщина нянчит ребенка, как если бы, кроме них, здесь никого не было. Поезда тоже битком набиты. Вместо них мы предпочли пассажирский состав с его весьма относительными удобствами, о котором нам только что сообщили. Поезд отправляется в Париж. Мы едем вместе с группой студентов.

В Париже мы провели несколько часов в отеле «Альто-

на» на улице Фобур-Пуассоньер, где больше не осталось номеров, в которых можно переночевать. Мой отец со своим коллегой отправились искать временное пристанище. Париж лихорадило. Первую часть ночи мы провели в баре отеля вместе с каким-то американским журналистом. Два или три раза звучали сирены воздушной тревоги, но никто не пытался найти укрытие. Закончили ночь в каком-то злачном баре, мы с сестрой – в борделе! Это все, что мы смогли найти для ночлега!

19-го, после недолгой ночевки, такси высадило нас у вокзала Аустерлиц, и в 6:30 экспресс помчал нас в Бордо, где мы договорились о встрече с секретарем и шофером с машиной. Прибыв вечером в Бордо, мы с огромным трудом нашли место для ночлега. Жрицы любви под боком, мы снова в борделе, где полным-полно блох.

20 мая мы позавтракали в «Мезон де Бразил» – «Доме Бразилии» (общежитие в парижском университетском городке. – *Пер.*). Одна группа снова отправилась на поиски пристанища, пока другая искала автомобиль. Мы нашли и то и другое – сторожку в доме барона «Икс», с чьих виноградников поставлялось вино для фирмы моего отца. Затем мы сняли помещение на улице Святого Северина, недалеко от базилики Святого Северина. Нам стало известно, что мы не сможем пересечь испанскую границу с архивами компании, поэтому решили остаться в Бордо, по крайней мере пока.

22 мая я отправился на вокзал Святого Жана, чтобы всту-

пить добровольцем в бельгийскую армию. К моему бескрайнему удивлению, бельгийский и французский офицеры, которых я встретил там, отправили меня домой со словами: «Вы хотите продлить войну?» Ну нет, это в любом случае без меня! Здесь в офисе трудился юный бельгийский бойскаут, которого я сейчас уже не помню. Однако случится так, что я повстречаю этого парня в 1942 году на Восточном фронте, в совсем другой форме! Это наш друг, Фредди Ж.

В один из последующих дней я отправился на биржу труда в надежде найти какую-нибудь работу, чтобы делать что-то полезное, но все впустую. То же самое происходило и в Национальном обществе юго-западной авиационной промышленности, и в других фирмах, которые публиковали объявления о найме на работу. Они говорили, что не доверяют «бошам с Севера»! (Бош – презрительное прозвище немцев во Франции. – *Пер.*) И это называется они «нанимают»!

С тех пор и до самого конца моего временного пребывания в Бордо я проводил время в прогулках – к площади Кинконс, в парк Кодерана (пригород Бордо. – *Пер.*), вдоль линии причалов, где был пришвартован пассажирский корабль Бельгийской мореходной компании, на площадь Шапо-Руж и в другие общественные места. Также я часто навещался в дом моей французской тетушки, которую мы встретили здесь; кухня и кузен становились моими частыми спутниками в этих экскурсиях. Я не видел их с самого детства. Во время нашего пребывания в Бордо город бомбили, и несколько

бомб упали на квартал Святого Северина, где живем мы. Если не ошибаюсь, было трое или четверо убитых и несколько раненых.

Я мог бы с легкостью привести множество подробностей, но они не имеют существенного значения, за исключением одной, поразившей меня. 22 июня, в день прекращения боевых действий, или чуть раньше я увидел на другом берегу Гаронны немецкие войска, в основном танки. Танкисты подогнали машины к берегу, чтобы помыть их. Они мылись сами и брились, пристроив зеркала на броне. Со своего берега мне было прекрасно видно, что происходило на другом. Если я правильно помню, то на этом основании я сделал вывод, что немецкие войска войдут в город на следующий день.

В тот день в центре города собралась толпа, чтобы поглазеть на вступление этих войск. Должен заметить, что они хорошо выглядели и произвели на жителей Бордо благоприятное впечатление. Отлично одетые, отлично экипированные. Какой контраст с войсками союзников, которых я до этого видел, – возможно, за исключением англичан, они, несомненно, выглядели менее небрежно, но чьи шлемы и униформа казались мне довольно нелепыми. Естественно, я не осмеливался произнести этого вслух, однако стоявшие рядом жители Бордо, не смущаясь, громко выражали свое восхищение.

С оркестром впереди танки, мотоциклы, конница и пехота проходили маршем в таком идеальном порядке, какого я не

видел ни в одной армии, за исключением, быть может, русских, но это уже значительно позже. Толпа вокруг меня не верила своим глазам. Это впечатляло сверх всякой меры!

В последующие дни можно было видеть военных, прогуливающих по городу, осматривающих памятники и достопримечательности, заглядывающих в магазины. Никакой вольности в одежде или поведении, во всем предельно вежливые, они передвигались небольшими группами по два-три человека с такой дисциплинированностью, которая превосходила все, к чему мы привыкли. Таково было мое первое знакомство с немецкими войсками, и такими были мои первые впечатления.

В начале сентября мой отец решил вернуться в Бельгию. Немцы, естественно, снабдили его автомобиль бензином, но мы вернемся домой по железной дороге. В Брюсселе мы появились 8 или 9 сентября, и в дороге нас кормил немецкий Красный Крест. Мои братья вернулись из армии, и тот, что еще не женат, жил в нашем доме.

В последующие дни у меня несколько причин для удивления. На улице я встретил соседа в моем галстуке и рубашке! Вместе с одеждой исчезло еще несколько предметов. Удивление быстро прошло, и мой отец не хотел, чтобы я разбирался с соседом по этому поводу. Когда мы уезжали во Францию, отец доверил ключи от дома одному из соседей, на тот случай, если вернется мой брат. Перед своим отъездом этот сосед оставил ключи другому соседу, тому, кто обновил свой

гардероб за мой счет. Позднее я узнал, что этот человек вступил в движение Сопротивления и был за это награжден, но тогда, в 1940 году, я никак не мог считаться коллаборационистом. Таким образом, он боролся на стороне Сопротивления еще до того, как оно было создано, и, несомненно, принимал превентивные меры.

Все это никак не мешало возвращению к более или менее нормальной жизни. Несколько дней спустя я возвратился к изучению агрономии, но быстро понял, что утратил к ней интерес. Я закончил школу четыре месяца назад. Четыре месяца я жил в условиях полной свободы! И теперь время шло к началу марта 1941 года.

В этот период я восстанавливал свои прежние дружеские связи и отношения, то, чем я занимался раньше, и наконец присоединился к движению, которое возобновило свою деятельность. Были созданы Formations de Combat – Боевые подразделения (FC). Таким образом я перешел из Cadre actif de Propagande – Отдела пропаганды (CAP) в FC. Тренировки проходили на ферме Сент-Элой, принадлежащей лейтенанту Руле, куда однажды заявлялся королевский прокурор, намеревавшийся запретить эти собрания. Мы встречались в Центре Сен-Жосс, на шоссе Лёвен и знакомились с боевыми искусствами на улице Мерселе, а в «Зоннеке», в Одергеме, получили первые уроки бокса. У меня не было проблем с возвращением к своим политическим воззрениям.

Колебания, трусость, политические «пируэты» и разгово-

ты на 180 градусов тех, кто отвечал за нашу страну в тот период военных действий, приверженность предвоенной позиции – я со всей определенностью имею в виду наших министров, которые прославились за такое поведение во Франции, а также тех, о ком с тех пор никто и никогда не слышал. И все продолжалось в том же самом духе.

Мы тоже должны были возобновить свою деятельность или следовать выбранному курсу. Во всем остальном подавляющее большинство населения поддерживало короля и с презрением относилось к политикам, которые посмеялись над ними и своими преступными действиями во Франции свергли Бельгию в позор. С другой стороны, население не видело в дисциплинированных, дружелюбных немецких солдатах негодяев, какими их часто изображали. Все соглашались с тем, что в качестве «оккупационных войск» они ведут себя вполне достойно, зачастую значительно лучше, чем до них «союзные» войска, призванные в Бельгию в качестве подкрепления. У меня нет намерения обвинять всех союзных или бельгийских солдат, которым, возможно, не хватало твердого руководства, но более всего дисциплины. Я излагаю лишь то, что чувствовал в это время, что слышал, использую те же самые слова, и не более того. И даже сейчас мне никто не возражает! Вот как народ Бельгии реагировал на события того времени.

Поскольку, не считая самого факта вторжения, у нас не было причин ненавидеть оккупантов, необходимо было со-

здать определенную атмосферу, спровоцировать ненависть, что оказалось несложно. Так, спустя некоторое время из Лондона пришли обращения с призывами – призывами к убийствам, саботажу, всеобщему террору. Среди провокаторов ведущую роль сыграл Виктор Де Лавеле. Стоит ли удивляться, что тогдашний терроризм породил терроризм нынешний! С какой стати все, что было дозволено вчера, что считалось правильным и даже рекомендованным в то время, внезапно закончилось бы? Адский процесс был запущен, и ничто не смогло бы остановить его! Эти акции, противоречившие Гаагской и Женевской конвенциям, неизбежно вызвали реакцию, сначала в виде предупреждений, а затем уже репрессий. И тогда началась бесконечная череда событий, которых не желали ни население, ни оккупанты, но которую спровоцировали «подстрекатели к преступлению» из Лондона. А эти шакалы, находясь в безопасности в Лондоне или где-то еще, только радовались происходящему.

Я сделал следующий шаг. Испытывая любопытство к происходящему в мире, я в еще большей степени интересовался Германией, когда обстоятельства привели меня туда. Мысль отправиться и самому все увидеть постепенно овладевала мной, потом захватила полностью. А от этого всего шаг до принятия решения. Возможно, так распорядилась сама судьба, но я до сих пор спрашиваю себя – мог ли я не желать этого? Своевременное отчисление меня из школы только упростило дело, если не считать моего бурного объяснения с от-

цом. Разумеется, он хотел предотвратить выполнение моих планов, но при этом считался с моей решимостью. Не делая ничего для облегчения моего отъезда, но и ничем не препятствуя ему. Мы уже подоברались к концу марта 1941 года.

В тот последний день месяца, рано утром, я оставил дом, чтобы обратиться в Werbestelle – пункт вербовки для добровольной работы в Германии и подписания контракта. Я хотел увидеть Германию и посмотреть, что происходит в ней. Хотел знать, как живут немцы. Хотел свободно дышать, забыть все те унылые лица, что окружали меня во время бегства во Францию и которые нашел в Бельгии, возвратившись. Мне недавно исполнилось 18 лет, однако я чувствовал себя так, как будто мне не больше шестнадцати, я чувствовал себя таким молодым. Два года в таком возрасте – это немало! В то же время я чувствовал, что все понимаю, но ничего не знаю. Чуть позже, к своему великому удивлению, я обнаружил, что большинство сверстников моего круга до отъезда, казалось бы, знали все, но ничего не понимали!

Во время поездки на трамвае до улицы Шартре я вдруг внезапно осознал, что я, прямиком из детства, из подросткового возраста, с разбегу, хоть и не без сожаления и печали, вступаю в неизведанный мир взрослых! В глубине души я со смятением ощущал, что последующие дни, месяцы, может, даже годы оставят след в моей жизни и, вне всякого сомнения, перевернут ее с ног на голову. Я отлично понимал, что сейчас, в этот самый момент, должен сам преодо-

леть все трудности, страхи, застенчивость. Что до страхов, то я уже привык подавлять их. Я должен был принять на себя ответственность, которую сам для себя выбрал. Должен был успешно совершить этот огромный прыжок и постараться выбрать место для приземления. Так я видел свое будущее. В этом возрасте чувствуешь себя таким сильным и веришь, что станешь еще сильнее, но все не так просто, как кажется. Тем не менее я должен был найти внутренние силы, все преодолеть, и сделать это сам, не выказывая сомнения или малейшей слабости. Я решил, раз и навсегда, построить себе панцирь и втягивать в него голову при каждом ударе судьбы, дабы найти убежище.

Как я уже сказал, мой отец был не согласен со мной, и это еще мягко сказано, но, хоть порой мы и могли ссориться, я любил его. Знал ли он это? В 18 лет, стыдясь проявления подобных чувств, юноши боятся сказать: «Папа, мама, я люблю вас!» – потому что боятся показаться уязвимым! Однако как приятно было бы это услышать родителям! Я остался без матери в 1939 году. И не будь помехи в виде традиционной в нашей семье сдержанности, было бы куда проще понимать друг друга, а различия в политических взглядах и философских воззрениях не смогли бы осложнить наши взаимоотношения. У меня никогда не возникало проблем с матерью и на самом деле с отцом тоже, но я считал их менее понятными, чем это было на самом деле, как я понял позже. Все было бы намного проще, чем я мог себе представить в то время.

Моя молодость не позволяла замечать этого. Не так-то просто было преодолеть эту сдержанность. Постоянная застенчивость, боязнь обнажить свои чувства, оказаться беззащитным – но я был полон решимости пройти через это испытание. Как приходилось проходить многим моим товарищам и всем молодым людям. Несомненно, многим из вас это тоже знакомо.

Трамвай еще не завершил свое движение, и я опасался, что пропущу randevu с судьбой. Романтизм моего возраста диктовал мне слова, переполненные эмоциями, которые, если подумать, кажутся нелепыми, однако реалии надвигающихся месяцев и лет освободят меня от иллюзий, ибо не сыскать потом слов достаточно сильных, чтобы описать те события. И если я все же их нашел, то мои тогдашние ощущения были именно такими, какими я их излагаю. Стоя на задней площадке, я говорил себе, что мы проехали еще слишком мало. Я с радостью занял бы место вагоновожатого, подстегиваемый любопытством узнать будущее, но слишком возбужденный, чтобы испытывать беспокойство.

Однако несколько минут спустя я уже входил в ворота вербовочного пункта, где меня направили на первый этаж. Я представился, и мне выдали анкеты, которые нужно было заполнить и подписать. У меня имелся выбор – и я отправляюсь в Кельн. До полудня возвратился домой, чтобы собрать одежду, кое-какие вещи и взять фотоаппарат. Вдруг вспомнил, что как-то сказал своему другу, Паулю Ван Брюсселе-

ну, что когда-нибудь поеду в Германию. Он пообещал обязательно поехать со мной. Поэтому я немедленно отправился к нему домой, сообщить о предстоящем отъезде. Его мать расстроена. Они с отцом вышли, чтобы поговорить наедине. Я прошу Пауля быть у меня в 14:00 – если он хочет ехать со мной. В 14:39 мы уже направились к Werbestelle и к концу дня возвратились, каждый в свой дом, собрать чемоданы.

3 апреля около 6:00 утра мы покинули свои дома. Немного позднее 7:00 отошел состав, увозя сотни добровольцев, которые, как и я, перевернули новую страницу своей судьбы, устремившись к новой жизни. Мы выгрузились в Ахене, где нас покормили хлебом с маслом, колбасками и напоили кофе – эрзацем, разумеется. Нам также подали очень густой суп, Eintopf – айнтопф, рагу или кулеш, который мы мгновенно съели. Здесь мы встретили французов и француженок, в том числе двух девушек из Ниццы. Я задался вопросом, как они сюда попали. Но это не важно, ведь мы едем вместе только до Кельна, откуда они направятся в Дюссельдорф. Если бы я только знал! В конце концов, в Кельне нас никто не ждал. Слишком поздно было менять пункт назначения. Очень жаль. Мы бы наслаждались певучим южным акцентом, да и в других отношениях девушки совсем не дурны – на самом деле очень даже хорошенькие.

И вот мы в Кельне, а около 17:00 вошли в наше жилище, представлявшее собой деревянные казармы, но вполне приличные, чистые, со множеством клумб вокруг. Эти ка-

зармы, или корпуса, построены на небольшой треугольной «площади» позади кельнской фабрики в Кальке (8-й городской округ Кельна). Многие волонтеры уже обосновались здесь до нас, еще больше присоединится к нам позже; всего немногим больше 200 фламандцев, валлонов и брюссельцев. Рабочие, студенты из двух или трех университетов, всех классов и сословий, но в основном вполне приличные, за исключением дюжины парней, которые не внушают мне доверия.

Так началась моя новая общинная жизнь, с общими спальнями и столовыми. Такой образ жизни не вызывает у меня проблем. Я учусь жить и ладить с людьми любого сорта, в основном молодыми, от 16 до 30 лет. И чрезвычайно удивляюсь, повстречав здесь несколько прежних приятелей из своего квартала, Роже Шр. и Эдгара С., с которыми я возобновляю дружбу, и завожу новых друзей, схожих со мной по духу. Могу припомнить не менее 30 имен. Я повстречаюсь с многими из них позже, в легионе, а другие вступят во фламандский легион «Фландрия», включая замечательного товарища, Тео Б., с которым я снова встречаюсь во время отпуска после ранения, произведенного в офицеры и с ампутированным предплечьем – громадного парня, о котором у меня навсегда останутся самые лучшие воспоминания, как и у всех тех, кто знал его.

Если коротко, то здесь мы учимся в школе при фабрике Гумбольдта. Все учащиеся бельгийцы, за исключением

двух немцев, успевших получить ранения на войне и комиссованных. Преподаватели – немцы, значительно старше нас, очень дружелюбно настроенные и не без чувства юмора! Когда что-то идет не так, как надо, или кто-то из нас совершает какую-нибудь глупость, один из преподавателей выходит из комнаты и вскоре возвращается со строгим видом, в увенчанном пикой шлеме военного образца 1914–1918 годов и с церемониальной саблей! Этот комический номер повторяется два или три раза, но никогда не теряет актуальности; преподавательское преобразование невероятно оживляет обстановку!

С самого начала отношения складываются теплые, несмотря на то что до моего прибытия здесь произошло несколько мелких неприятностей. Как мне объяснили, нам позволялось пользоваться спортивной площадкой и плавательным бассейном, но кое-кто из наших соотечественников не удержался от вандализма, выцарапав ножом надписи на белых крашенных дверях и сиденьях, так что после ряда безуспешных предупреждений нам закрыли доступ в бассейн. Несомненно, это было делом рук ничтожного меньшинства, но, поскольку внутри автономии нашего лагеря бельгийцы оказались не способны укрепить собственную дисциплину, никаких претензий к немецким властям просто не могло быть. Мы по-прежнему имеем доступ к спортивной площадке, чем я, вместе с несколькими товарищами по лагерю, не преминул воспользоваться.

В Бельгии я наслышался о преследовании верующих гитлеровским режимом. Однако могу заверить: церкви во время служб полны, многие прихожане носят партийные эмблемы, «Зимняя помощь» (зимняя помощь немецкому народу, ежегодная кампания в нацистской Германии по сбору средств на топливо для бедных; также фонд средств, собранных в помощь бедным и безработным. – *Пер.*), созданная той же самой партией, в огромных количествах продает значки и эмблемы всех сортов на выходе из церквей, особенно протестантских. Единственное утверждение, услышанное мной среди прочих довоенных лозунгов, которое я нахожу справедливым, – так это то, что Германия «страна организованного порядка». Да, в Германии, несомненно, жесткий режим, и здесь все подчиняется порядку, но я не вижу в этом ни малейших проблем. Никаких бросающихся в глаза заголовков газет о вопиющем воровстве, кошмарных убийствах, грабителях банков, нападениях на граждан или изнасилованиях.

Несомненно, преступность в стране существует. Как можно избежать ее? Каким бы ни был режим, люди остаются людьми. Но, подвергнутые наказанию, нарушители закона не увеличиваются в количественной диспропорции, и не так много рецидивистов разгуливает на свободе. Также правда, что пресса никогда не преувеличивает, даже исподволь, некоторые преступления, и я искренне верю, что воры, насильники и прочие преступники не являются сторонниками режима. Разве я не прав, что вижу все таким, каким оно есть

на самом деле? Да, я открываю Германию, которая нравится мне такой, какой есть, какой я вижу ее собственными глазами, а не через призму некоторых журналистов. Я говорю то, что видел, почему я не должен этого делать? Тем не менее одна небольшая деталь поразила меня тогда – в Германии пятидесятилетней давности (с момента первого написания этой книги) уже разделяли отходы по категориям.

Питание в лагере было совершенно достаточное и обильное, хотя я бы не сказал, что шикарное. В свои восемнадцать я отличался хорошим аппетитом, как и все в моем возрасте. Более того, если кто-то хотел побольше еды, то мы без проблем получали небольшие батончики хлеба (Brötchen – бесплатно), белого или серого, батоны с изюмом или другую выпечку в многочисленных булочных Калька на Хауптштрассе, без всяких продуктовых талонов и несмотря на наш статус иностранцев. С едой у нас проблем не было, но с текстилем дела обстояли не так хорошо. Здесь полно синтетических материалов, но все хорошо одеты.

Несколько менее приятных типов, о которых я упоминал ранее, играли в лагере в карты, порой на значительные суммы. Однажды поступила жалоба на кражу денег. Это привело к полицейскому рейду в казармах. Они конфисковали мой фотоаппарат. Несколько дней спустя меня вызвали в Kriminal Polizei – уголовную полицию. Поскольку погода хорошая и у меня есть время, я пошел туда пешком. Плохая погода, кажется, отступила на какое-то время, и теперь на

улице было тихо и нарядно. Я оказался перед фасадом здания *Völkischer Beobachter* (немецкая газета; с 1920 года печатный орган НСДАП. – *Пер.*), с огромным роскошным кустом ракитника, полностью усыпанным желтыми цветками. Это прекрасно, действительно прекрасно! Все отлично ухожено, и зеленые лужайки, и голубое весеннее небо над ними, невероятно чистое.

В здании «Крипо» мне не пришлось долго ждать. Меня немедленно пригласили в кабинет. Там расспросили о моей личности, причинах добровольного найма и т. д. Допрашивавший уже был расположен ко мне, поскольку в Германии я вел себя примерно. Он спрашивал о рексистской эмблеме, которую я носил в петлице. Полицейский офицер достал из папки несколько негативов и фотографий. Они с пленки моего фотоаппарата – те, что я сделал по дороге. Тут были фото железнодорожной станции в Ахене и еще две с фабриками в Штольберге. Он говорит, что это неблагоприятно с моей стороны и что мне следует избегать делать такие снимки в будущем, однако возвращает все мне. Мои пленки проявлены и фотографии отпечатаны бесплатно. Полицейский пожал мне руку, все закончено, и я могу возвращаться в лагерь.

Пару раз звучали сирены воздушной тревоги, и нас отвели в бомбоубежище в подвале фабрики Гумбольдта. Кто-то играл в карты, кто-то болтал, другие спали. Среди последних Роже Шр., который не покинул убежище до 6:00, потому что не заметил, что тревога закончилась около 2:00 и все верну-

лись в казармы. Мы еще долго смеялись над этим.

Однажды, когда мы обедали в столовой, со мной произошло небольшое злоключение. Я сидел рядом с Паулем Ван Брюсселеном, еще с десятков приятелей за другими столами. Присутствовал также помощник начальника лагеря, Карл Гр. И, кажется, еще Эдмон К. Он должен это помнить! В лагере была небольшая шайка, о которой я уже упоминал. Один из них, точно не помню кто, внезапно появился в 5–6 метрах от меня с ножом в руке. Наставленным на меня. Со злобным видом он осыпал меня бранью. Думаю, из-за некоторых замечаний, которые я делал по поводу его поведения. На самом деле он никогда не казался мне хулиганом, скорее всего, ему хотелось создать впечатление, будто он такой крутой, или упрочить авторитет в своей маленькой шайке. Думаю, он набросился на меня за то, что я не воспринимал его всерьез.

Будучи не выше ростом, он выглядел крепче меня и не желал терять лицо, а я не собирался больше позволять ему владеть инициативой. Несомненно, он ждал, что я попячусь, или, по крайней мере, надеялся на это, поэтому оказался захвачен врасплох моим встречным ударом. Я сам удивляюсь, как легко оказалось отправить противника пересчитывать то ли фарфоровые, то ли керамические тарелки, составленные в стопки на столе позади него. Я внутренне благодарю Серлента, Жана Маро и парикмахера, которые преподали нам кое-какие начала борьбы и бокса в Центре святого Жосса. Без всякой бравады я швырнул ему его нож, который упал на

пол возле него, и ждал его следующего шага. Он немного помедлил, но передумал продолжать. Подобрал свое оружие, он ушел, бормоча сквозь зубы, что еще доберется до меня. Насколько я помню, ребятам пришлось заплатить то ли за 40, то ли за 60 тарелок. Свидетели сцены и друзья, узнавшие об этом позднее, не могли понять, почему я вернул ему оружие. Что до меня, то я отлично знал, что ради того, чтобы немного порисоваться, стоило рискнуть!

Как-то меня вызвал инженер, директор школы. Он предложил мне пойти работать в Мюльхайм (9-й городской округ Кельна на правом берегу Рейна), на завод «Фельтен и Гийом» – или, с 1923 года, «Карлсверк-Нептун». Одновременно я буду в той или иной степени выполнять обязанности переводчика, и, вместе с тремя другими бельгийцами, мы получим от завода квартиру, отдельную квартиру. Согласен! Разумеется, согласен!

Два дня спустя я уже работал в Мюльхайме. Член моей бригады и бригадир – Франц Хохшерф. Вместе мы работали на прессе, который штампует алюминиевые секции самолетных крыльев. Францу за сорок. Я оператор пресса. Мы сразу же нашли общий язык и образовали отличную команду, даже после того, как он дал мне понять, что прежде был коммунистом, а я сказал, что решительно поддерживаю новый порядок. Это никак не влияло на наши дружеские, доверительные отношения. Он настолько мне доверял, что познакомил со своими друзьями, включая Фрица Лукаса, которого я ни-

когда не забывал. Я ни разу не обманул его доверия. Мы глубоко уважали друг друга, уверенные в чистоте наших чувств и наших противоположных политических убеждений.

Работа не тяжелая, совсем не тяжелая, и вместе с премиями и надбавками я зарабатывал где-то 30 рейхсмарок в неделю; точнее уже не припомню. Мое частное жилье оплачивал завод, что было совсем неплохо. Мы умудрялись накапливать готовые детали про запас, и должен сказать, без труда; мы были способны штамповать больше деталей, чем от нас ожидали. Мы откладывали их в сторону, спрятав за другими деталями, и доставали, когда нам выпадала ночная смена, воскресная или что-то в этом роде. Оставаясь ночами одни в огромном цеху, мы с Францем спали несколько часов в кабине мостового крана в соседнем цеху, в 30 метрах над землей. Утром, до появления новой смены, мы доставали наши запасные детали.

Если не ошибаюсь, я платил 2 с половиной рейхсмарки за горячий обед в столовой, состоявший из супа и десерта, и, кажется, десятку, чтобы заслужить благосклонность одной симпатичной девушки из Нагельгассе, или Каммахер-Гассе – квартала красных фонарей в Кельне. Друзья в Кельне произносят это как Нахельгассе или Каммахе.

Раз уж я говорю об этом, позвольте рассказать небольшую историю. Воскресным вечером мы, как обычно, бродим по городу – Пауль и я, вместе с Карлом Делом. Карл отличный приятель, панически боящийся только бомбежек, но не зна-

комства с девушками. И этим вечером ему хотелось познакомиться с какой-нибудь девушкой. Но проблема не в выборе девицы, поскольку здесь их в избытке на любой вкус. Что заботило его больше всего, так это выбрать подходящий момент, не в психологическом смысле, как вы могли подумать, но относительно возможности воздушной тревоги. Которая в любом случае «поставила бы его в невыгодное положение» из-за его бомбобоязни. Мы могли видеть, как Карл колеблется, увертывается, делает шаг вперед и два назад и вдруг очертя голову бросается вперед, словно собирается нырнуть в воду!

Затем мы с Паулем видим, как полуоткрытая дверь распахнулась, чтобы поглотить Карла и девушку и снова захлопнуться. И в следующий момент начинают выть сирены, предупреждая о тревоге, как раз когда дверь скрывает Карла от наших глаз. На нас с Паулем нападает неудержимый смех, когда мы видим, как бледное лицо Карла на мгновение выглядывает из-за внезапно распахнувшейся двери, чтобы снова быстро исчезнуть; его силуэт обвивают руки девушки, дверь захлопывается и запирается на ключ изнутри.

Гомерический хохот! Карла похитили! Мы ждем. Нам хочется знать, что будет дальше. Кроме того, нас так сотрясает смех, что мы не в состоянии сдвинуться с места. Мы хлопаем себя по бедрам, друг друга по спине, одновременно пытаемся побороть безудержный приступ смеха и возбуждения.

Десять минут спустя дверь внезапно распахивается на-

стежь, словно от порыва урагана. Мы едва успеваем разглядеть Карла, который мчится прочь и моментально скрывается за поворотом, даже не заметив нас. Мы пытаемся догнать его, но напрасно. Он исчезает из нашего поля зрения в направлении реки. Мы, в свою очередь, добираемся до берега Рейна, вдоль которого не спеша движемся на север, в сторону Мюльхаймского моста. Мы поступаем так каждый раз, когда воздушная тревога застает нас врасплох вечером в городе. Всякий раз, когда осколки снарядов Flak, зенитной артиллерии, падают слишком плотно или слишком близко от нас, мы жмемся к деревьям. Когда опасность минует, садимся на скамейку у реки и любимся отражением вспышек от орудийных залпов. Мне доставляет удовольствие говорить об этих особых моментах, когда мы могли радоваться в то военное время; война сначала казалась такой далекой, поскольку пока не касалась нас, и все же достаточно близкой, потому что мы, вопреки собственной воле, увязли в ней по самые уши.

Тот семимесячный период, что я провел в Кельне, вспоминается уже как необыкновенное время. Несмотря ни на что, я помню только хорошее. С нежностью вспоминаю романтику первых шагов – нас, юношей, ступавших по дорогам мира взрослых. Да, это они объявили войну, но это мы, кто в конечном итоге будет сражаться на ней и пройдет ее до конца, до самого последнего дня!

В тот момент еще не было таких ожесточенных бомбар-

дировок Кельна, до сих пор пострадали только частные дома. Заводы и их бомбоубежища оказались самыми безопасными местами. Ни в один из известных мне заводов не было ни единого попадания! Ни «Гумбольдт», ни «Клюкнер», ни «Дитц-Магриус», ни «Карлсверк-Нептун» не получили ни малейшего повреждения.

С ослаблением зенитного огня падающих осколков становится меньше. Несколько всплесков в реке, несколько срезанных ветвей деревьев; с хлюпающим звуком врезаются в землю последние осколки, и снова все спокойно. Мы возвращаемся к себе домой. Воскресенье, можно поспать. Около 13:00 мы отправляемся подкрепиться в закусочную рядом с нашим домом. Сегодня сказали бы «слегка перекусить». Это то, что можно назвать сменой диеты, даже если вы едите практически то же самое. В понедельник вечером мы снова встретили Карла, он не помнил, как добрался до дому! Нам никогда не было скучно. У нас всегда был высокий моральный дух, даже в самые сложные моменты. Особенно в такие, как этот!

Я нашел способ продлить свои «выходные». Когда была возможность, просился в ночную смену. Часто подменял женатых мужчин, которые предпочитали дневную смену. Из-за этого завожу много друзей. Таким образом, заканчиваю одну рабочую неделю в 6:00 утра в воскресенье, чтобы начать следующую в 22:00 в понедельник. Поскольку воздушная тревога случалась в основном по ночам, я также испол-

нял обязанности Brandwache, добровольного пожарного наблюдателя на самом верху высоченных наблюдательных вышек в форме грибов. Отсюда воздушные налеты выглядели особенно впечатляюще. Поисковые прожекторы, чьи лучи пересекались высоко в небе, часто захватывали вражеский самолет, который пытался уйти от них. Залпы зениток, разрывы, бомбы или пожары, вызванные «зажигалками», – все это вместе создавало сцену, какой я никогда не видел!

Свежие новости! Разрушения после бомбежки; когда я отправлялся посмотреть на них, они всегда казались менее значительными, чем я представлял себе во время ночного налета, по крайней мере в начале 1941 года! Но вскоре все изменится. Как и все остальные, в июне я узнал о вторжении немецких войск в Россию. В тот момент я почувствовал своего рода облегчение, сам не знаю почему, но именно это я чувствовал, и многие люди рядом со мной могли утверждать то же самое. Так был положен конец противоестественному союзу. По крайней мере, именно так я отреагировал на подписание германо-советского пакта, хоть и говорил себе, что в тот момент должны были иметься веские причины для этого, о которых мы, разумеется, ничего не знали.

Я встретил двух товарищей по лагерю в Кальке, двух фландрцев, де Вита и де Ваддера, вступивших в войска СС и, после учебного лагеря, отправлявшихся из Кельна на Восточный фронт. Я тоже хотел на фронт. Я сообщил об этом инженеру, который был поражен, но посоветовал выяснить

все в городской канцелярии. Сказано – сделано. Я получил 10 дней отпуска, чтобы вернуться в Бельгию. Мне сообщили, что Легион бельгийских добровольцев находится в стадии формирования, и мне предоставили возможность разузнать все как следует. Когда несколько дней спустя я появился в Бельгии, то узнал, что первый контингент только что отбыл на Восток. Это тот, что позже будет назван контингентом 8 августа 1941 года. Но мне сказали, что планируется формирование второго контингента. Что мне было делать? Ждать, рискуя прибыть слишком поздно?¹² Вернуться в Германию и вступить прямо в войска СС?

Когда я возвратился в Германию, 22 или 24 августа, я все еще колебался. Пауль Ван Брюсселен говорит, что он тоже хотел бы записаться, но, поскольку не знает ни слова по-немецки, выбирает Бельгийский легион. Я был уверен, что сражаться на Востоке крайне важно, но тоже предпочел вступить в Бельгийский легион. Я объявил о своем выборе на заводе. Сообщил об этом инженеру, моим немецким друзьям, бельгийским друзьям, а также своей подруге Лени Фл., которая жила на Клевишер-Ринг. Мой друг Франц, мой добрый друг, поздравил меня со смелым поступком. Что теперь осталось от моей скромности? Мне кажется, он гордился мной!

Прошел сентябрь, и октябрь был почти на исходе. 26 октября, ночь перед моим возвращением в Бельгию. Мой товарищ Франц попросил меня пройти с ним в другие цеха, что-

¹² В то время предполагалось, что кампания в России будет скоротечной.

бы попрощаться, знакомил меня с теми, кого я не знал. Ему хотелось всем объяснить мой поступок. Он выказывал мне подлинное уважение. Человек, который говорил мне, что он «красный» и уж точно не член Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП, «наци»), но который часто заявлял о своей симпатии и даже восхищении Гитлером, потому что тот свершил много великих дел для своей страны. Если когда-нибудь Франц станет противником, он никогда не будет врагом. Он искренний и прямой человек. Где бы ни встречались такие люди, я глубоко их уважаю.

Почему я больше никогда не смог его разыскать? Если он еще жив, а я в это верю, ему должно быть уже далеко за девяносто! На следующий день он нашел время, чтобы проводить меня на вокзал. Его глаза наполнились слезами! Я не оборачивался. Все равно я не мог ждать момента, когда потребуется все мое мужество, чтобы уехать. В 11:00 мы пришли на Hauptbahnhof – главный железнодорожный вокзал, и по обоюдному согласию, чтобы сократить прощание, Франц ушел еще до того, как я поднялся на железнодорожную платформу. К 18:00 я прибыл в Брюссель.

На следующий день я отправился записываться. Мне сказали, что сейчас формируется Garde Wallonne – Валлонская гвардия¹³ и что у меня больше шансов для быстрого перево-

¹³ **Валлонская гвардия** – военизированная организация рексистской партии, созданная одновременно с Валлонским легионом. Она предназначалась не для боевых действий, а для охраны стратегических объектов, таких как аэродромы, мосты и железные дороги.

да оттуда в легион. Соответственно, я записался и 3 ноября 1941 года оказался на стрельбище (стрелковом полигоне) в Брасхате (муниципальное образование в Восточной Фландрии, Бельгия к северу от Антверпена). Мой друг Пауль Ван Брюсселен, который не смог покинуть Кельн одновременно со мной, возвратился в Брюссель вскоре после меня, и мы с ним встретились.

О Валлонской гвардии у меня только самые хорошие воспоминания. За исключением униформы, довольно нелепой, что казалось мне немаловажным элементом. Вскоре ее, кажется, заменили, когда меня уже там не было. Меня устраивали и дух, и атмосфера. Но все здесь было в новинку, начиная с дисциплины, к которой необходимо приспособиться. Мое первое, оно же последнее, наказание ненадолго вызвало у меня чувство протеста. К счастью, я был окружен друзьями, успокоившими меня. Во-первых, мой брат, – затем ротный писарь Марешаль, – старшина Эрнест С. и другие ребята заставили меня прислушаться к доводам разума и смириться с наказанием – остаться на базе в выходные. Дежурный сержант Леопольд Л. заявился объявить подъем, вошел в комнату и увидел меня лежащим на кровати, тогда как мои товарищи уже на ногах. Опоздание на десять секунд. Подъем, лежебока! Мне кажется, Л. был прямо-таки счастлив, что застучал меня. И это ощущение спровоцировало меня на бунт. Я не мог успокоиться целые сутки. Ладно, проехали, я больше никогда не проштрафлюсь. На самом деле проштрафлюсь

еще один раз, двумя годами позже, уже в легионе.

Вопреки тому, что могут подумать те, кто здесь не был, формирование оказалось весьма серьезным, даже суровым, безо всяких послаблений – ни в строевой подготовке, ни в учениях на местности. Разумеется, я предпочитал последнее. Я питал прямо-таки романтическое пристрастие к занятиям на природе, ибо эти песчаные земли, поросшие вереском и соснами или серебристыми березами, казались мне по-настоящему прекрасными в самый разгар осени. Кампин¹⁴ и в самом деле выглядел великолепно, даже когда, окутанный туманом или в пасмурную погоду, сверкает в лучах осеннего солнца. Земли Кампина светились в буквальном смысле слова, а потом иней покрывал их своей вуалью, более легкой, чем тюль, когда на тончайших лезвиях травы застывает роса или когда она скапливается в нежной паутине маленьких паучков.

Я получал определенное удовлетворение от такой жизни, насыщенных, но упорядоченных часов; трудная жизнь, простая и близкая к природе. От свежей прохлады первых морозов немели пальцы и руки, не охлаждая моего пыла к занятиям, скорее наоборот. Холод подстегивал усердие. Я быстро нашел нескольких друзей, образовалась очень сплоченная маленькая группа. Нас было четверо молодых людей, от сем-

¹⁴ **Кампин**, географическая область, расположенная большей частью в Северо-Восточной Бельгии и частично на юго-востоке Нидерландов, прежде представляла собой густые заросли вереска, песчаные пустоши и болота.

надцати до девятнадцати, переполненных жизненной энергией и энтузиазмом, и эти чувства объединяли нас: Эмилия М., Раймонда П., Альфреда Д. и меня. Наша маленькая ячейка собралась вместе, распалась, затем вновь объединилась по воле судьбы, над которой мы были не властны в течение всего военного времени. Внутри этой группки царило полное взаимопонимание – как с нашими инструкторами, унтер-офицерами, так и с нашим капитаном.

Среди всех инструкторов лучше всего я помню одного, которого мы прозвали Заг-Заг. Невысокий, коренастый, можно сказать, тучный, однако невероятно проворный для своей корпулентности. Получивший несколько ранений в Первой мировой войне, отмеченный большим глубоким шрамом в форме креста – последствия трепанации – на черепе. Из-за этого шрама кое-кто прозвал его Бургундский Крест (ветвистый косо́й – Андреевский крест). Всегда пребывая в добродушном настроении, без намека на недоброжелательность, он донимал нас тренировками, причем себя не меньше, чем нас. Никогда не требовал от нас больше того, чем мог сделать сам, но поскольку он мог все, то нам приходилось здорово попотеть. Даже сегодня у меня сохранились к нему самые теплые чувства. Он был моим первым инструктором, первым немецким солдатом, с которым у меня сложились хорошие отношения как в дружбе, так и по службе, мы часто беседовали на равных, несмотря на его унтер-офицерское звание, но только в неслужебное время, ибо служба

есть служба, а шнапс есть шнапс!

Немецкий капитан (гауптман) Ламбрихт тоже оставил по себе добрые воспоминания, только чуть более сдержанные. Пятидесятилетний, приветливый, с усиками как у Гитлера, седеющий и безукоризненный. Золотые коронки на зубах подчеркивали его улыбку, поскольку он был обходителен, любезен, щедр на улыбки, но без каких-либо послаблений. Превосходный кавалерист, он прекрасно смотрелся и держался в седле, когда вел нашу роту на учения или в маршброске.

Самым старшим по званию у нас был майор Вульф, который командовал всем этим мирком в штабе кавалерийской школы на стрелковом полигоне (стрельбище). Высокий, подтянутый, лысый, с очень прямой спиной, по определенной причине. Кажется, он носил корсет. А также монокль, причем совершенно естественно, – самый настоящий образец прусского офицера, сдержанного, но без малейшего высокомерия. Каждое утро, даже если было морозно или шел снег, он, в спортивном трико, занимался на улице гимнастикой, с необычайной ловкостью и сосредоточенностью. Его возраст? Уверен, за шестьдесят. Все остальные инструкторы оказались бельгийцами, многие из них были офицеры-ветераны или унтер-офицеры бельгийской армии.

Нам делали частые прививки против всех серьезных заболеваний, и каждый такой день непременно заканчивался просмотром кинофильмов. Также свободными вечерами

или по выходным мы ходили в Брасхат или Антверпен, в основном небольшими группами. В общем, совершенно упорядоченная жизнь, хорошо организованная, полностью ориентированная на обучение и на хорошую физическую подготовку. Один маленький эпизод упорно держится в моей памяти, маленькое воспоминание, не имеющее существенно-го значения. Как-то утром мы отправились на учения в тот час, когда дети идут в школу. Мы пели одну из строевых песен, переведенных на французский, но с немецкой мелодией, пели слаженно, четко выговаривая слова. Напротив меня по тротуару шла маленькая девочка лет двенадцати, рядом с ней мальчик чуть младше, видимо ее брат. Они оба старались маршировать в ногу с нами, без всякого смущения мило улыбаясь нам. Когда песня закончилась, они заговорили с нами на ходу, просили нас продолжать петь, потому что им нравилась песня. Они говорили по-французски, несомненно, это были дети кого-то из бельгийских солдат, живших в казармах до нас. Вероятно, этот эпизод сохранился в моей памяти потому, что дети находились так близко к нам, и этот краткий диалог казался мне таким естественным, таким непринужденным. Такие вещи всегда выделяются. Интересно, почему, когда в то же самое время происходило множество событий, которые изменили ход истории, выбор целых поколений и которые, со временем, отошли на задний план? Таковы причуды человеческого разума, лабиринта чувств.

Как-то в декабре, во время специального построения, наш

Spieß – фельдфебель зачитал перед нами обращение. Легион испытывал острую нужду в извозчиках. Мы с Паулем переглянулись и согласно моргнули. Старшина, который знал о нашем стремлении как можно скорее присоединиться к товарищам в легионе, иронически спросил, где мы научились управлять повозкой. Он, должно быть, прекрасно понимал, что самое большее, в чем мы преуспели, – так это в катании на карусели во время ярмарок. Поэтому велел нам вернуться в строй. Затем пришел запрос на поваров, которых легиону, похоже, тоже не хватало. Мы с Паулем снова сделали шаг вперед перед строем, чтобы снова быть отосланными назад, как и в первый раз. Никогда нам не стать ни поварами, ни извозчиками!

Однако несколько дней спустя нам предоставился случай просить о следующей отправке. По этому поводу мы предстали перед небольшой комиссией, состоявшей из немецкого вербовщика, которому помогали наш старшина и ротный писарь. Писарь спросил, работали ли мы до этого.

– Да, разумеется. В Германии.

– У вас есть два варианта получения денежного довольствия в армии: 80 процентов вашего последнего жалованья или общие выплаты в размере одной рейхсмарки в день.

– Одну рейхсмарку в день.

Вербовщик недоверчиво смотрит на меня.

– Да, одну рейхсмарку в день.

Старшина и Маршалль сказали мне, что я ненормальный,

то же самое, насколько я понимаю, пробормотал и вербовщик, а первые двое переводили мне его слова, забыв, что я понимаю по-немецки, или притворяясь, что не знали этого. Я не отступал. Мне было бы стыдно, если бы я выбрал другой вариант. Не будем говорить о бескорыстии, назовем это бравадой! Но меня записали. Теперь оставалось только ждать.

Время бежало так быстро, что уже наступило Рождество, а кажется, что только вчера я начал свою солдатскую жизнь. Армия подарила нам рождественские подарки и пригласила наши семьи провести с нами этот вечер. Моей семье здесь не было, вы уже знаете почему. Они не разделяли мои идеалы. Я их понимал. Со мной оказался только один из братьев, а еще семьи других. Ничто не могло омрачить нам радость этого семейного вечера. Это наша первая дружеская встреча. Вскоре за Рождеством отмечается Новый год, и в течение месяца все роты оставляют полигон и отбывают в места своего расположения. Нашим будет Намюр (город в центре Бельгии, с 1986 года столица региона Валлония. – *Пер.*). Вскоре после погрузки мы с товарищами получили увольнительные. Я сошел с поезда в Брюсселе, передохнуть несколько дней. Под конец увольнения я выехал, чтобы за ночь добраться до Намюра. На следующий день знакомился со своими новыми казармами. Это кадетская школа в самом городе.

Жизнь здесь отличалась от той, что в Брасхате, даже после окончания периода специальной подготовки, о которой не скажешь, что тренировки и учения закончились! Наряды

по своей сути представляли собой исключительно охранную службу. В городе и пригородах множество мостов. Мы также стоим на страже у госпиталя в Сальзенне (один из районов Намюра. – *Пер.*), у Отель-де-Виль (здание муниципалитета), у площади Фехтования (плац-парад) и в Цитадели. Что касается меня, то я охраняю пост в Сальзенне, на площади Фехтования и у некоторых мостов, и именно у pont de Sambre – моста через Самбру, где получаю свое первое представление, что нас ждет в России. Той ночью температура падает до -18 или -20 градусов по Цельсию, и деревянный мост всю ночь скрипит и стонет из-за перепада температур так, что можно подумать, будто кто-то пытается сломать его, и это держит меня в напряжении всю смену. Каждый раз это были два долгих часа мучений для ног, рук и ушей. Одного из наших ребят, некоего Фондю, которому уже стукнуло тридцать, застают врасплох на посту в ботинках, набитых соломой. После чего у него было полно соломы в тюремной камере, где он имел возможность поразмыслить, как полагается выглядеть солдатской полевой форме, – целых 24 часа. Как раз в то же время произошел небольшой комический эпизод, который я запомнил. Несколько студентов и студенток надумали поиграть в «умников». Мне неизвестны все обстоятельства, поскольку я там не присутствовал. Чтобы дать им возможность обдумать свое поведение, начальник караула доверил им деликатную работу – всю вторую половину дня драить зубными щетками караулку и коридоры. Девушкам выпала приви-

легия штопать носки часовым.

В феврале, во время построения роты, капитан Х., офицер-ветеран бельгийской армии, объявил о формировании нового контингента для Восточного фронта. После команды выйти из строя тем, кто уже подал рапорты, он уговаривал остальных поступить так же. Он делал это настолько энергично и убедительно, что у меня не оставалось сомнений, что он собирается отправиться вместе с нами. Несколько человек присоединилось к нам, таким образом подписывая свое поступление на военную службу. Нас построили лицом к тем, кто остался, и капитан так превозносил нас перед ними, что мы были смущены. На самом деле мне было неловко не за себя, а за тех, кто не следовал вместе с нами. Я никак не одобрял действий капитана, который так старался заставить других поехать на фронт, просто давил на них! Мы, 30 солдат, стояли перед ротой. Но только не капитан, который, несомненно, позднее аккуратно заполнит все необходимые документы. Ну и ну! Мы узнали, что за все это время наш капитан ни разу не выказал ни малейшего желания отправиться на фронт! Капитан остался в Намюре.

Однако позднее, в легионе, я познакомлюсь с сыном капитана, Жаном, вступившим в него 8 августа 1941 года, и этот парень заставит меня забыть, что его отец не обладал той же смелостью, что его сын. Капитан волен был сам решать, идти или не идти на фронт... но после такой-то пламенной речи! Меня потряс не столько факт того, что он остался, потому

что я не хочу никого попрекать, а то, как подталкивал на это других!

Вечером в один из последних дней февраля было объявлено, что добровольцы Восточного фронта отбывают на следующий день. С этого момента всех нас, естественно, охватило лихорадочное возбуждение, но, увы, следующим утром на Reveille – побудке оказалось, что у меня самая настоящая лихорадка. Я простудился на посту накануне ночью. Когда я сообщил об этом товарищам, сразу стало ясно, что если я признаюсь и попрошусь к доктору, то рискую прослыть трусом, испугавшимся отбытия на фронт. Я ничего не сказал и отправляюсь вместе с ротой на Hauteurs de Jambes – высоты Жамба (городской район Намюра) – для полевых занятий. Плато покрыто толстым слоем снега, что сильно усложняло занятия, зато предохраняло меня от переохлаждения. Но увы! Я впервые пожалел, что наступил перерыв, потому что по мне лучше бы его не было. Когда занятия возобновились, я дышал с трудом, щеки мои горели огнем. К счастью, последняя часть занятий длилась недолго, мы построились и возвратились в казармы. Не тратя время на поглощение пищи, к которой у меня нет никакой охоты, я собрал свои пожитки. Около 13:00 мы были на вокзале, Пауль Ван Брюсселен, Артур В. Е., Морис В. и я – вместе с несколькими другими, отбывающими в том же направлении. Я не подавал виду, что болен, и изо всех сил старался контролировать себя, но чувствовал, что у меня, должно быть, очень высокая темпе-

ратура. Возможно, после лихорадочной активности последних дней спокойная поездка оказалась слишком резким контрастом. У меня теперь есть время подумать, и, вероятно, хорошо, что его предостаточно.

О чудо! Поезд сбавляет ход чуть ли не перед самой остановкой на вокзале в Буафоре (одна из коммун брюссельского столичного региона. – *Пер.*). Мы хватаемся за эту возможность, а вместе с тем и за наш багаж и спрыгиваем с движущегося поезда. Здесь тоже везде снег. Затем направляемся разными путями к своим домам. Войдя в дом, я без сил падаю в кресло. Когда просыпаюсь, то вижу доктора К., нашего семейного врача, склонившегося надо мной и прослушивающего мою грудь. Именно это разбудило меня. Рядом с ним, с озабоченным выражением лица, мой отец. Диагноз – плеврит! Мне разрешено курить, что довольно странно и что доставляет мне удовольствие. Инъекция густого камфорного масла, очень болезненная. Крайне важно побыстрее встать на ноги. Сплю всю ночь как бревно. Задыхаюсь, и у меня такое впечатление, будто я постоянно нахожусь где-то между сном и бодрствованием. Однако я в достаточной степени в сознании, чтобы дать понять о необходимости сообщить в часть о моем состоянии.

На следующий день мне нанес визит немецкий врач, посланный военным госпиталем с аллеи Короны, в сопровождении ординарца. Военная санитарная машина стояла перед дверью. Доктор довольно долго советовался с нами. Говорил

он по-французски. Перед уходом обещал навестить завтра и просил сообщить ему, если появятся какие-либо проблемы или понадобится его помощь. Доктор считал, что я нетранспортабелен. Мой отец, специально оставшийся дома, позднее говорил мне, что доктор был невероятно дружелюбен и что он потрясен его обходительностью. Интенсивное лечение продолжалось, и мой плеврит быстро отступил. Несколько дней спустя доктор К. запретил мне курить! Вот это удар! Когда я чувствовал себя хуже, я мог курить, а теперь, когда дела идут на поправку, не могу. Позднее я узнал, что доктор позволил мне тогда курить, поскольку считал мои шансы на выздоровление ничтожными.

Вскоре после этого, однажды утром, в 11:00, за мной приехала военная санитарная машина и отвезла в госпиталь на аллее Короны. Мне отвели отдельную палату в изоляторе, который примыкал к задней части госпиталя, со стороны улицы Жана Пако. Помню, это заставило меня подумать, будто они что-то недоговаривают по поводу моего здоровья. На самом деле ничего такого не оказалось. Два или три дня спустя меня навестили немецкие солдаты, говорившие по-французски, по-фламандски и на брюссельском диалекте! Их привел бельгийский санитар. Уже 15 лет он жил в Эттербеке (одна из коммун Брюсселя. – *Пер.*). Ему за сорок, совершенно лысый, не выше метра шестидесяти. Он ухаживал за моей медсестрой, в которой метр восемьдесят росту и весу, должно быть, килограммов восемьдесят пять. Мы трое

прекрасно ладили и веселились, когда собирались вместе.

Поскольку я быстро шел на поправку, то на ноги поднимался слишком рано и разгуливал по коридорам изолятора. Результат: на следующий день проснулся с больным горлом и возобновившейся лихорадкой. Какое безрассудство! К счастью, моя медсестра дала мне какое-то снадобье и настояла, чтобы я никому ничего не говорил, особенно врачам и другим сестрам. Я полоскал горло раствором перекиси водорода, повторяя процедуру каждые два-три часа. О чудо! За два дня все проходит. У нас тут маленький парикмахер из Брюсселя, очень изобретательный. Он собирал все обмылки, которые мы могли найти, а затем перепродавал нам же – после того как перетапливал их и отливал в обычные куски мыла.

Несколькими днями позже доктор решил, что я готов к выписке, и, примерно 20 марта, я отправился в отпуск по болезни в Арденнский замок. По ошибке меня, вместе с немецким товарищем, сначала направили в отель «Покс» в Сент-Юбере (городок в Арденнах, Бельгия. – *Пер.*). Новое направление на поезде в Уйе (в Валлонии), откуда мы наконец добираемся до своего замка. Перспектива трех недель жизни в настоящем замке! Моя комната большая, как дортуар¹⁵, но я в ней один. Однако у нее только размеры дортуара. Разумеется, невероятно роскошная, вся в бледно-голубых тонах, с удобной кроватью и элегантной мебелью. Кто из великих мира сего спал в этой постели до меня, простого солдата?

¹⁵ **Дортуар** – общая спальня в закрытом учебном заведении.

Когда я просыпаюсь, ботинки и ремень уже начищены. Завтрак и другая еда подаются здесь в том же духе, как и все прочие услуги. Замок, который был частью сети европейских Гранд-отелей, существует в таком качестве с начала столетия. Немецкие власти лишь слегка изменили его убранство при помощи огромных настенных фресок, где раньше висели картины или гобелены. Сейчас еще зима, но погода не мешает прогулкам ни в лес, ни на экскурсии. Вместе с другими мы с моим другом Карлом отправляемся осмотреть королевский замок Сине, правда не заходя внутрь. Не знаю, возможно ли это вообще. Я обнаруживаю несколько вагонов бывшего королевского поезда и место остановки, предназначенное для этого поезда, и еще один замок, где жил бывший король Румынии, Кароль (Карл. – *Пер.*). Короче, мы осматриваем все интересное в ближайших окрестностях.

6 апреля мне сообщают о предстоящем отправлении небольшого контингента, который намерен соединиться с группой, отбывшей 10 марта. Я немедленно подаю рапорт о прерывании своего отпуска и поспешно возвращаюсь в военный госпиталь, чтобы забрать выписные документы, подтверждающие, что я пригоден для фронта, KF-Entlassunsschein. Доктор объявляет, что я пригоден к строевой службе, и выдает мне соответствующее разрешение, но только после того, как сообщает о разговоре с моим отцом, приходившим требовать, чтобы меня комиссовали. Доктор обещал ему поговорить со мной и комиссовать, если я буду

согласен. Этот добрый человек делал то, что считал своим гуманитарным долгом, уважая при этом мой выбор, а я считал, что это только мое дело. Таким образом, совесть каждого из нас была чиста, но мой отец, несомненно, потерял покой, и я его хорошо понимал. А сейчас еще лучше, чем тогда.

9 апреля 1942 года я останавливаюсь в казармах Святого Жана на Ботаническом бульваре, а 10 апреля поезд мчит нас к Мезерицу (город в бывшей прусской провинции Позен (Познань), ныне Мендзыжеч, Польша). Сегодня начинается моя жизнь в качестве легионера.

Глава 2. Обучение (в Бранденбурге)

У меня нет хронологических заметок о времени моего обучения, поэтому я поделюсь воспоминаниями, которые до сих пор живы во мне. Выехав из Брюсселя на поезде 10 апреля 1942 года, чтобы присоединиться к своим товарищам, отбывшими 10 марта, я рассчитывал, что достигну Мезерица 11 или 12 апреля, а затем уже Регенвюрмлагеря (буквально «Лагерь дождевого червя». – *Пер.*)¹⁶.

После всех этих лет в моей памяти всплывают события того времени – некоторые отчетливо, некоторые смутно. Лагерь находился довольно далеко от города Мезериц, в слегка холмистой местности с сухой песчаной почвой, поросшей березами и хвойными лесами. Местность выглядела сильно пересеченной и крайне сложной для тренировок. При всем при том лагерь оказался вполне приемлемым, как и само его расположение. Двухэтажные здания имели все необходимые удобства продуманно построенных казарм, территория хорошо ухожена, с лужайками, цветочницами и кустарниками, а также большими деревьями.

¹⁶ Обширный укрепленный район с подземными бункерами, соединенными тоннелями и коридорами общей длиной до 100 км. Был сооружен Германией в 1936–1938 гг. возле города Мезериц, действовал до января 1945 г. (когда был сокрушен Красной армией); после аннексии Судет использовался как тренировочный лагерь, а в 1945 г. для обороны.

Погода, все еще холодная в начале нашего прибытия, быстро переходит в весеннюю, и мы наслаждаемся теплом и солнцем. У нас замечательные инструкторы, строгие в учебное время и дружелюбные вне службы. Много раз они оказывают мне доверие и показывают фотографии своих семей. Один из них, у которого жена и две дочери, садовник-декоратор. Кажется, ему 32 года. Такое общение происходит обычно во время «перекуров», когда мы растягиваемся на траве или песке или прислоняемся к деревьям неподалеку от составленных в пирамиду винтовок.

За ранним подъемом следует быстрое бритье, затем построение в спортивной форме перед казармой. После чего мы трусцой бежим на спортивную площадку за пределами лагеря. Бежим через лес, заросли можжевельника и других колючих растений, которые то и дело царапают нас, несмотря на все предосторожности. Потом преодолеваем по сути трехметровое ограждение, окружающее лагерь и сделанное из наклонно установленных бревен. Спрыгивая с верхней точки, мы движемся все время бегом, к ровной площадке. Здесь мы можем на выбор спрыгивать в пустоту с края ямы для прыжков, толкать ядро, играть с мячом, прыгать в высоту или длину, играть в чехарду. Короче, не имеет значения, что мы делаем, лишь бы все время на бегу и ни минуты простоя. Через час, все так же трусцой, возвращаемся к казармам, иногда мимо озера, чтобы немного поплавать. Затем моемся, завтракаем и строимся для занятий. Днем нас обучают теории,

чистке оружия и одежды, после чего следует проверка. Порой у нас бывают ночные занятия и длительные марш-броски, утомительные, но полезные для меня, для моего здоровья и пригодности к службе после плеврита.

Учение трудное, очень трудное, но оно отлично подготавливает к тем испытаниям, которые нас ждут в России. Все мы в прекрасной форме и, несомненно, нарастили мускулатуру и прибавили в росте, как, например, я. А те, у кого был избыточный вес, потеряли лишние килограммы жира и приобрели выносливость. О «Лагере дождевого червя» у меня самые светлые воспоминания. В физическом плане я чувствовал, что превратился в мужчину, а о моем моральном духе позаботится война. 6-й роте, состоящей из «молодняка», всегда доставалось больше нас! Да! Поскольку мне уже девятнадцать, я был определен в 7-ю роту «стариков»! Как часто по вечерам, когда наше служебное время заканчивалось, я жалел «молодняк», которому необходимо было напрягаться больше других, которых наказывали «всех поголовно» и чаще, чем нас, которых строили для пробежек, для выучки «спать на ногах», строили и в полотняной форме, и в шерстяной. Строили с ранцами, потом без ранцев, в противогазах и без них, и, поверьте мне, я много чего еще упустил!

И тем не менее мы находили время и желание подолгу прогуливаться небольшими группами по окрестностям, совершать «набеги» на кондитерские Мезерица по меньшей мере в 12 километрах от лагеря, чтобы набить живот пирож-

ными. Во время пребывания в Регенвюрмлагере я никогда не страдал от голода. Хорошо это помню, но кое-кому еды не хватало. И все же я никогда не оставлял еду на тарелке или в котелке. Это точно. Однако случались и мелкие кражи – сигарет, порций джема или кусков хлеба. И тогда поднимался шум! Злоумышленнику следовало преподать урок солидарности и показать всю отвратительность его поступка. Запирать тумбочки запрещалось. Поэтому разоблаченному или сознавшемуся в краже злоумышленнику предстояло испытать «ядовитый укус центуриона». Растянутый на столе обнаженным по пояс, крепко удерживаемый несколькими товарищами по казарме, нарушитель подвергался безжалостной порке ребят, стоявших подле него. Но зато потом все забывалось, абсолютно все. Несомненно, в этом причина того, что «бургундцы» никогда не оставались в беде без помощи своих товарищей. Такова наша солидарность, наша дружба – такой была, такая есть и такой останется навсегда!

В Регенвюрмлагере также имелось два неполных батальона индусов, поражавших нас до глубины души. Одетые в Feldgrau – серую полевую форму, но с разноцветными тюрбанами на головах (насколько помню, в соответствии с кастовой принадлежностью), они производили неизгладимое впечатление. У многих из них пальцы были унизаны перстнями с драгоценными камнями, а офицеры имели великолепные волосы. Мы часто с любопытством наблюдали, как они моют свои длинные волосы или заплетают их перед тем, как во-

дружить сверху тюрбан. «Бургундцы»¹⁷, со своей невероятно короткой стрижкой на голове, должны были чувствовать себя обделенными перед лицом такого необычного представления! Какие мысли могли бродить в голове в такие моменты?

Другие воспоминания об учениях в Регенвюрмлагере приходят ко мне вперемешку, словно сквозь туман. Вспоминаю немецкую девушку из лагеря BDM¹⁸ на дальней стороне озера, которая, видимо, наблюдала за нами из своего убежища в кустах на другом берегу, когда мы купались. Разумеется, плавок на нас тогда не было. Посещая парикмахеров, «бургундцы» всегда сетовали на уставные правила насчет стрижки и длины волос, в открытую завидуя «индусам».

В 40 метрах от нашего блока, на небольшом холмике, стояла газовая камера, где мы проверяли герметичность наших противогазов и приучали себя к использованию этого вар-

¹⁷ Леон Дегрель, лидер рексистского движения, проповедовал фантастическую идею Великой Бельгии, построенной на основе Бургундского герцогства XV–XVI веков. Это видение воссозданной Бургундии, включающей в себя значительные территории Нидерландов и Северной Франции, должно было стать неотъемлемой чертой риторики Дегреля военного времени. По настоянию Дегреля крест древнего Бургундского герцогства появился на знамени легиона. Эта же «бургундская» тема стала постоянным мотивом агитационных выступлений Дегреля, именно поэтому автор романтически говорит о себе и своих товарищах по легиону «Валлония» как о *bourguignons* – бургундцах, как и было принято среди членов легиона «Валлония».

¹⁸ Bund Deutscher Mädel – женская молодежная нацистская организация, аналог гитлерюгенда.

варского приспособления, от которого большинство из нас быстро отказалось, заменив его фильтрующую коробку другим *impedimenta*, или *impedimenti* (военное снаряжение. – *Пер.*), казавшимся нам более полезным!

А еще у нас был пес, ставший нашим талисманом, – очень красивая овчарка, немецкая, кстати, и разве можно было нас за это осуждать? Этот наш приятель позднее будет серьезно ранен осколком. За ним ухаживали, и он поправился. Погиб ли он на Северском Донце? Мы дали ему имя Пак, по названию противотанковой пушки, и у меня сохранилось фото, где он рядом со мной.

Еще были боксерские поединки, Р. Маршал против Жана Маро, погибшего в автомобильной аварии после войны, тот самый Жан, который мог запеть «Maman, les p'tit bateaux»¹⁹, когда пути нашей роты пересекались с ротой «молодых», и *prévot* – командир «молодых» мог ответить из строя: «Это мы, «gagas»²⁰ из 7-й...» Из этого периода вплоть до 23 мая у меня есть еще кое-какие воспоминания!

В тот день мы совершали наш великий исход. Насколько помню, нам стало известно о нем за день до отправки. Всех нас, юнцов или подростков, преждевременно повзрослевших, охватило лихорадочное возбуждение. Знаменательный день, Jour J²¹, наконец наступал. Мы были готовы встре-

¹⁹ Детский стишок-читалка.

²⁰ Старое немощное дурачье.

²¹ День начала боевой операции.

тить все, что угодно, перетерпеть все, что угодно, но, более всего, преодолеть все, что угодно, дабы победить все на свете, начиная с самих себя.

Все было готово, словно для парада, все упаковано: ранцы, сухарные мешки, подсумки, саперные лопатки, противогазы и комбинезоны химической защиты, оружие, палатки. Мы были готовы отправиться в великое путешествие, которое оставит по себе незабываемые воспоминания у тех, кто вернется, ибо мы знали, что вернутся не все. В товарных вагонах – по 8 лошадей или по 40 человек в каждом²² – каждый из нас обустроивал небольшой уголок на соломе. Спальные мешки и снаряжение выстроились вдоль стенки или сложены стопками. Эти несколько квадратных метров станут нашим единственным домом на 16 дней. Лошади, их подстилки и фураж – все, включая полевую кухню, боеприпасы и наш провиант, также выдвигались на новую сцену действий.

Вид всей этой, горящей энтузиазмом и говорливой молодежи, столпившейся перед тем, как закроются двери вагонов, пока еще открытые, не мог не вызвать сочувственную улыбку тех гражданских и военных, кто наблюдал за нашим отправлением. А потом... прощальные слова людей, с которыми когда-либо пересекались наши пути, в городе или сельской местности. Эти люди, несомненно сдержанные по природе, более не скрывали эмоций. Они обрушили на нас

²² «Три тонны удобрений для вражеских полей, сорок человечков или восемь лошадей...» (из песенки времен Первой мировой войны).

шквал напутственных слов, и я благодарю их за поддержку. Сами того не подозревая, они помогали нам справиться с неуверенностью.

Плавно, почти без малейших толчков, наш поезд набирал ход, и вокзал исчез из вида. Но даже сейчас мы различали людей, продолжавших смотреть нам вслед. О чем они думали? О сыне, супруге, женихе, которые уезжают вместе с нами? Или о тех, кто однажды уедет точно так же?

Равнины Мекленбурга проносились мимо нас, однообразные, хоть и освещенные солнцем. Путь наш пролегал мимо нескольких полустанков, переездов и, вдалеке, крестьян, которые приветственно махали нам из своих повозок, за ними были их жены или дочери с покрытыми косынками волосами. Пораженные шевронами на наших рукавах, они, должно быть, оставались в недоумении. Что неудивительно, поскольку в то время еще редко можно было видеть иностранных добровольцев. Скоро пейзажи начали меняться каждый день, и мы к этому привыкли, но, несмотря ни на что, с ходом дней и событий, «бургундцам» пришлось делать многое без подготовки, зачастую на грани возможного, в условиях армии – особенно германской.

Глава 3. Путь на Восток: 16 дней на соломе

Оставив Мезериц, наш поезд направился к Швибусу (Свободзин, Польша. – *Пер.*), далее через Лиссу (Лешно, Польша. – *Пер.*), Глогау (Глогув, Польша. – *Пер.*), Брно, Вену, Шопрон, Будапешт, затем Дебрецен, Пашкани и Яссы, пока не оказывается в СССР. Мы увидели Карпаты и плодородные равнины Бессарабии, множество рек и речек. 28 мая 1942 года проехали через Тирасполь, двигаясь все дальше и дальше, но по-прежнему на восток. Погода была великолепной и оставалась такой на протяжении всего удивительного путешествия. Все время солнечно и действительно очень тепло. Что вскоре побудило нас с несколькими товарищами устроить себе летние квартиры. Примостившись на открытых вагонах с сеном, предназначенным в качестве подстилок для лошадей, мы выдернули из середины несколько тюков и устроили себе нечто вроде жилого пространства на открытом воздухе. Мы проводили здесь все дни и почти все ночи. Тут было куда приятнее и прохладнее, чем в вагонах. Кроме того, спать или просто валяться на тюках соломы значительно мягче. У нас имелся лосьон от загара, который мы купили в войсковой лавке Регенвюрмлагеря незадолго до отъезда и которым мы намазывались, чтобы привыкнуть к паляще-

му солнцу. О чем, хоть и запоздало, потом пожалели, когда, глянув друг на друга, разразились диким хохотом. Два локомотива, тянувшие наш поезд, были явно не электрические, и копоть из их труб быстро превратила нас в трубочистов. Попытки вытереться привели лишь к тому, что мы размазывали смесь сажи с лосьоном по нашим лицам. Недолго думая нашли отличный душ – наливные башни для паровозов. Однако вода из них бьет мощной струей и с большой высоты. Необходимо было быть крайне осторожными, пока один товарищ открывал задвижку при помощи цепи.

Карта Восточной и Центральной Германии, Западной Польши, прилегающих земель Чехословакии и Австрии, показывающая места дислокации легиона, штурмовой бригады и дивизии «Валлония». (Джордж Андерсон, © Helion & Company)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.